

Ада Мир
Missis Stranger

ЕГО
СВОДНОЕ
искушение

Missis Stranger

Ада Мир

Его сводное искушение

<https://litres.ru/74584878>

Аннотация

Запретная любовь — это не просто слова. Это дрожь в руках, прерывистое дыхание и взгляд, который нельзя отвести. Это выбор между тем, что хочешь больше всего, и тем, что должен сохранить любой ценой.

Когда границы размыты, а чувства сильнее разума, один шаг может разрушить всё: семью, репутацию, будущее. Но как остановиться, если сердце бьётся в унисон с тем, кто по правилам должен быть недоступен?

История о страсти, которая проверяет на прочность самые незыблемые принципы.

Хэппи Энд обязателен

Содержание

Пролог	4
Визуал главного героя	10
Визуал главной героини	14
1.	16
Визуал родители	22
2.	26
3.	35
4.	42
5.	50
6.	58
7.	67
8.	75
9.	82
10.	90
11.	98
12.	109
13.	117
14.	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Пролог

«Мы раним тех, кого любим, даже не желая этого, — и исцеляем их тем же: просто оставаясь рядом».

Я всегда гордился своим самообладанием.

До этого момента.

Лика сидела на краю моей кровати в полумраке спальни, обхватив колени руками, будто пыталась удержать себя от падения. На ней была только моя белая рубашка — та самая, в которой я вернулся с деловой встречи несколько часов назад.

Пуговицы расстёгнуты слишком низко, ткань слегка сползла с одного плеча, открывая гладкую кожу. Я знал, что должен отвести взгляд. Должен сказать ей уйти. Но вместо этого стоял в дверях и не мог пошевелиться.

— Я не должна была сюда заходить, — прошептала она, не поднимая глаз.

— Не должна, — хрипло ответил я. — Сестра.

На последнем слове голос предательски дрогнул. Слово

«сестра» прозвучало как приговор. Я повторял его про себя каждый день, как мантру: «Она — семья. Ты должен её защищать. Не желать. Не смотреть».

А я... я стою здесь и хочу девушку, которая носит мою фамилию.

Но когда она подняла на меня взгляд, в котором смешались страх и желание, я сдался.

Сделал шаг вперёд и медленно опустился перед ней на колени. Наши лица оказались на одном уровне. Её ресницы дрожали, губы были слегка приоткрыты. Ещё чуть-чуть — и я бы поцеловал её. Жёстко. Глубоко. Так, как мечтал каждую ночь последние шесть месяцев. Внутри меня всё кричало: «Встань. Уйди. Не разрушай это».

Но тело не слушалось. Я чувствовал тепло, исходящее от неё, и этот сладкий, чуть ванильный запах её кожи, смешанный с ароматом моего геля для душа. Она пахла мной. Сидела здесь в моей рубашке. Как будто уже немного принадлежала мне — и эта мысль одновременно возбуждала и вызывала отвращение к самому себе.

Какого чёрта я делаю? Это не просто ошибка. Это безумие.

Моя рука легла на её колено. Кожа под ладонью была горячей и невероятно мягкой. Я провёл пальцами вверх по бедру — медленно, давая ей шанс остановить меня. Лица резко вдохнула, но её ноги слегка раздвинулись. Всего на миллиметр. Бессознательно, предательски. Этого хватило, чтобы во мне что-то оборвалось.

«Остановись! — приказал я себе. — Ты старше. Ты должен быть умнее. Если отец узнает... если кто-то узнает...»

— Влад... мы не можем, — выдохнула она мне в губы.

— Знаю, — ответил я и всё равно наклонился ближе.

Наши лбы соприкоснулись. Её дыхание было тёплым, прерывистым, смешалось с моим. Я закрыл глаза и попытался вспомнить все причины, почему это неправильно.

Я знал их слишком хорошо. Знал, что это разрушит семью, которую мы все эти годы так старательно строили. Знал, что Лица только начинает привыкать к новой жизни и я должен помочь адаптироваться ей в городе.

Она совсем недавно рассказывала мне, как боится разочаровать мать. А я сейчас хочу забрать у неё эту хрупкую безопасность. Хочу быть тем, кто ломает всё ради нескольких

минут слабости.

Она — дочь женщины, на которой женился мой отец.

Запретная. Недоступная. Сводная.

А я... я должен быть взрослым. Тем, кто не переходит границы.

Но вместо того чтобы отстраниться, я вдохнул её запах глубже. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, она тоже это слышит. Мой большой палец продолжал медленно гладить внутреннюю сторону её бедра.

Каждое движение было пыткой. Желание было острым, почти болезненным. Я хотел прижать её к себе, сорвать эту рубашку, почувствовать её всю. Хотел услышать, как она шепчет моё имя не с виной, а с желанием.

И в то же время меня тошнило от самого себя. Я всегда контролировал свою жизнь: карьера, дисциплина, ответственность. А теперь готов рискнуть всем ради девушки, которую когда-то сам поклялся защищать?

— Я пытаюсь остановиться, — прошептал я, не открывая глаз. — Каждую ночь говорю себе, что это пройдёт. Что я

просто соскучился по кому-то рядом. Но когда тыходишь в комнату... когда улыбаешься мне... когда случайно касаешься моей руки... всё внутри переворачивается. Я ненавижу себя за эти мысли, Лика. Ненавижу, что не могу тебя отпустить.

Её пальцы осторожно легли на моё запястье. Не отталкивая. Просто удерживая.

— Мне тоже страшно, — тихо ответила она. — Я смотрю на тебя и чувствую... тепло. Безопасность. А потом вспоминаю, кто мы. И мне хочется исчезнуть. Но я всё равно приехала сюда. К тебе.

Эти слова ударили сильнее, чем любое прикосновение. Потому что я понял: она борется точно так же. Мы оба на краю. Оба знаем цену. И оба не можем отступить.

Я убрал руку с её бедра, но только для того, чтобы обхватить её талию — бережно, почти благоговейно. Притянул ближе, пока её грудь не коснулась моей. Мы не целовались. Просто замерли в этом невозможном объятии, дрожа от напряжения.

В голове продолжалась война. Одна часть меня кричала, что это начало конца. Что завтра я проснусь и возненавижу себя ещё сильнее. Что я предаю отца, который наконец-то

обрёл семью и счастлив.

Другая часть — та, что сейчас держала Лику в руках, — шептала, что это может быть единственное настоящее, что было в моей жизни за последние годы. Что с ней я чувствую себя живым. Не идеальным сыном, не успешным мужчиной, а просто собой.

Мы замерли на краю пропасти.

Дыхание в дыхание.

Сердце в сердце.

Желание против совести.

И я не знал, что победит в этот раз...

Визуал главного героя

Влад

Визуал главной героини

Лица

1.

Первое моё воспоминание о ней — это как она стояла, смущаясь на пороге нашего дома, цепляясь испуганно за мать, сжимая в руках взъерошенного белого котёнка и смотрела вокруг своими огромными глазищами. В её взгляде читалась растерянность — будто мир вокруг вдруг стал слишком большим и незнакомым, а она оказалась в самом его центре.

Такая смешная. В цветастом платице, с двумя косичками и сбитыми коленками. В этом воспоминании ей семь.

Первый раз, когда я её увидел. Без двух передних зубов, так как молочные выпали, а коренные ещё не выросли. Я смотрел на неё исподлобья, сложив руки на груди, и не хотел пускать их в наш с отцом мир. В груди kloкотала глухая обида, сдавливала горло, мешала дышать.

Зачем? Зачем он привёл эту женщину к нам домой? Нам и вдвоём было хорошо.

Ещё и котёнок этот. Почему-то он выбесил больше всего. Отец никогда не разрешал мне заводить животных, хотя я просил неоднократно. Он твердил, что это огромная ответ-

ственность, к которой я ещё не готов. И вот, пожалуйста. А эта шмакодявка, получается, готова? Что-то я сомневаюсь. Внутри всё кипело от несправедливости, будто кто-то взял и переписал все правила игры на ходу.

— Если он будет гадить где зря, я его выкину на улицу или отнесу на помойку, — мстительно проговорил я, глядя, как медовые глаза раскрываются шире от осознания, и в уголках появляется предательская влага. Её губы затряслись, и она прижала этот комок шерсти сильнее к груди:

— Пушок хороший!

Отец сразу же всполошился:

— Конечно, хороший, — и сжал моё плечо сильнее. — Сынок, будь помягче. Я же тебя просил.

Да, просил, объясняя, как важна для него эта женщина. Я даже в мыслях не хотел называть её по имени, чтоб не предавать память матери. А как же мама? Она что, стала не важна? Он убрал почти все её фотографии в доме, оставив только в моей комнате. Потому что я закатил ему истерику и пригрозил, что уйду из дома.

Я боялся. Жутко боялся, что однажды забуду её. Как она выглядела, как пахла. Я уже с трудом её вспоминал! И это

пугало меня до чёртиков! Всё, что у меня осталось от матери, — это пара старых фотографий и почти пустой флакон её духов. Я хранил это всё как зеницу ока. Трепетно и бережно, доставая перед сном коробку и перебирая дрожащими пальцами.

Я не плакал. Я просто хотел помнить.

Теперь на моей двери красовался плакат, нарисованный гуашью и детской рукой в порыве гнева: «Посторонним вход запрещён». Так одним росчерком кисточки отец перешёл для меня тоже в категорию посторонних.

Я не хотел ничего менять в своей жизни, но интуитивно, детским сердцем понимал, глядя на эту женщину с девочкой на пороге, что перемены неизбежны.

— Это Анжелика, — произнёс отец, подталкивая меня вперёд. — Я надеюсь, вы подружитесь, а сейчас покажи ей её комнату, пожалуйста. Мы должны быть гостеприимными.

«Мы должны... Мы должны...» — передразнил я его мысленно. А он у меня спросил вообще? Оно мне надо?

Мы смотрели друг на друга как противники на ринге. Я — с плохо сдерживаемой злостью, кулаки непроизвольно сжимались, ногти впивались в ладони. Она — настороженно и испуганно, словно маленький зверёк, готовый в любой мо-

мент броситься наутёк.

«Как оленёнок Бэмби», — раздражённо подумал я и перевёл взгляд на её разбитые коленки, торчащие из-под коротенького платяца. Точно. Они дрожали мелкой предательской дрожью, выдавая её страх.

Может, они ненадолго? Может, им не понравится у нас, и они свалят? В душе робко пробивалась надежда, и я повеселел.

— Пошли, шмакодявка, — хмыкнул я, хватая её маленький чемоданчик.

Но она вцепилась в него с силищей, которую я не ожидал от тщедушной девчонки.

— Не надо! Я сама!

— Сама так сама! — я пожал плечами. — Мне же проще, не тащить твоё барахло по ступенькам!

— Влад! — одёрнул меня отец и нахмурил брови.

Но эта женщина мягко коснулась его руки, успокаивая:

— Не надо, Слав.

Как она смеет его касаться? И он даже её не одёрнул.

И присела передо мной на корточки, глядя прямо мне в глаза. Она была красивой, очень красивой. Даже, наверное, красивее мамы, раз он выбрал её. Черты лица у неё были тонкие, правильные, а улыбка — мягкая, обволакивающая.

Я упрямо вскинул подбородок, смело встречая её взгляд. И моё детское сердечко дрогнуло, сжимаясь от боли и чего-то ещё, чему мой детский мозг никак не мог подобрать названия. У неё был тот же оттенок глаз, карий, с золотистыми искорками. И от неё пахло так же... От неё пахло мамой...

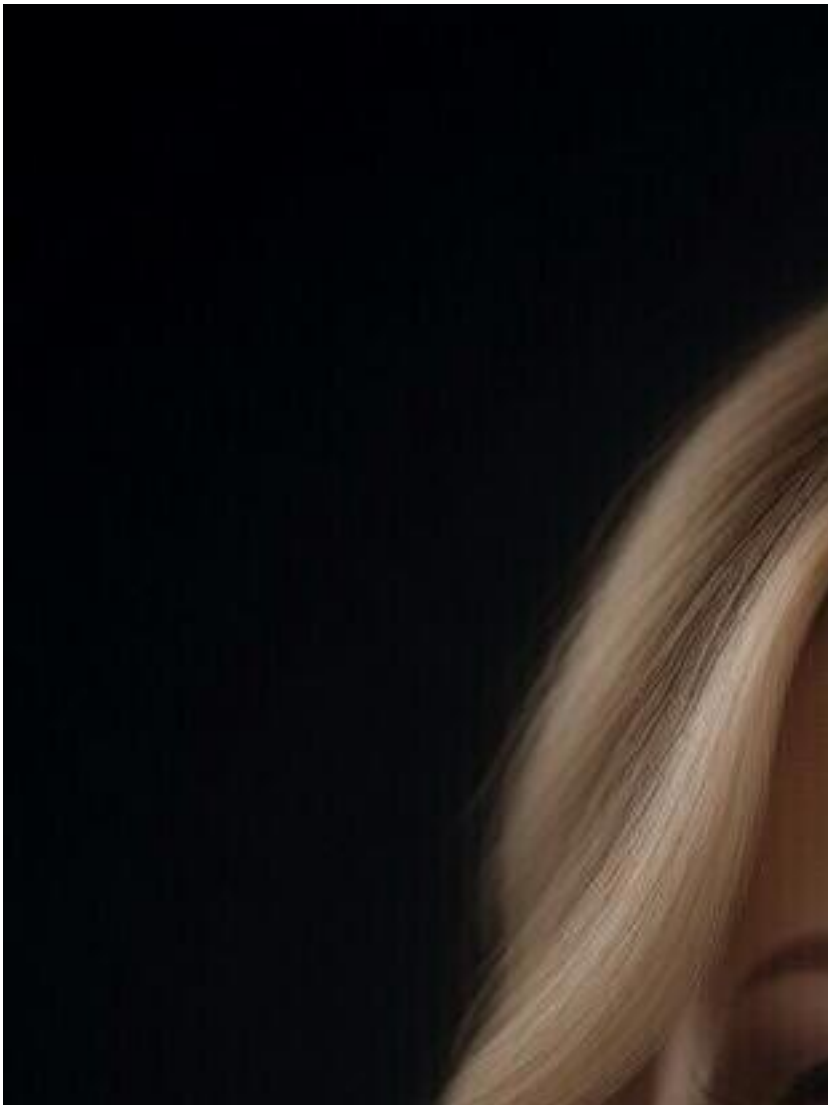
Лёгкий аромат лаванды и чего-то ещё, неуловимого, родного. Он проникал в сознание, будил воспоминания, которые я так старательно запихивал вглубь себя — будто кто-то открыл потайную дверь в прошлое.

Это потом я узнал, что они сделали это нарочно, чтоб мне было легче, и в итоге это сработало. Я не смог ненавидеть того, у кого был её запах. Но в тот момент мне ни фига было не легче.

Я почувствовал, как в глазах защипало, я со всей силы сжал кулаки и часто заморгал, стиснув зубы, чтоб не показать никому своей слабости. Отец учил меня быть сильным. И я старался. Из всех сил старался, чтоб не расплакаться как девчонка.

Визуал родители

Мила мать Лики

Вячеслав, отец Влада

2.

— Владушка, — тихо произнесла она, и я вздрогнул.

Как наяву увидел руки, слегка шершавые от домашней работы, улыбку, в которой всегда было что-то тёплое и безоговорочно родное. Так звала меня мама...

Об этом ей тоже рассказал отец, когда они обсуждали наше совместное проживание. Но об этом я тоже узнал гораздо позже.

— Не называйте меня так! — я почти орал, голос дрожал от сдерживаемых эмоций, а внутри всё сжалось в тугой узел.
— Никогда не называйте меня ТАК! Слышите?

Меня трясло.

Будто всё тело вдруг перестало мне подчиняться. Ладони произвольно сжались в кулаки, ногти впились в кожу, но я даже не почувствовал боли. В висках стучало так сильно, что на мгновение исчезли все остальные звуки.

Перед глазами поплыли картинки: мамин голос, шепчущий это имя тёплым летним вечером; её рука, ласково по-

глаживающая меня по голове; запах яблочного пирога, который она пекла по воскресеньям...

Воспоминания нахлынули волной — яркие, живые, почти осязаемые. И от этого стало ещё хуже.

Дыхание сбилось, стало прерывистым и неровным.

Мир вокруг будто потерял чёткость — очертания предметов размывались, цвета стали тусклее, будто кто-то приглушил яркость. Только голос женщины, назвавшей меня этим именем, звучал неестественно громко, резал слух.

Я почувствовал, как к глазам подступают слёзы — горячие, злые, непрошеные. Но я не позволю им пролиться. Ни за что. Сжал зубы так сильно, что заныли челюсти.

Мне хотелось закричать ещё громче, развернуться и бежать прочь, подальше от этого места, от этих слов, от всего, что напоминало о потере.

Но я стоял на месте, парализованный эмоциями, — и только сердце билось где-то в горле, отсчитывая удары в бешеном ритме.

Она подняла руки в примирительном жесте, пальцы слегка подрагивали — видно было, что она испугалась моей ре-

акции, но старалась не показывать этого:

— Хорошо, хорошо, Владик. Прости, я больше не буду. Дыши глубже.

И она показала, как: медленно подняла руки, сделала глубокий вдох, задержала дыхание на мгновение, затем плавно выдохнула. Я невольно последовал её примеру.

Ритм дыхания постепенно выравнивался — вдох, выдох, вдох, выдох...

С каждым циклом напряжение чуть отпускало, будто воздух уносил с собой часть боли.

Когда я чуть успокоился, она продолжила, голос звучал мягко, почти шёпотом:

— Мне очень жаль, что так получилось с твоей мамой. Но, к сожалению, так бывает, что Господь забирает самых лучших из нас. Это не значит, что другие хуже. Это значит, что ещё не пришло их время. Я не смогу заменить тебе маму, никто не сможет, но я хочу заботиться о вас с папой. Потому что самые сильные тоже нуждаются в чьей-то заботе. Ты можешь называть меня Милой, идёт?

Я всегда думал, что это имя больше подходит корове с

обложки шоколадки, но ей оно странным образом шло. Она была милой и доброй.

В её шоколадных глазах плескалось понимание — не наигранное, не дежурно-сочувственное, а настоящее, будто она и правда видела, что творится у меня внутри. В этот момент я, смирившись, принял эту женщину. Хотя понимал, что никогда не смогу принять её дочь.

Я молча развернулся и пошёл вверх по лестнице, слыша за спиной лёгкие, осторожные шаги шмакодявки, будто она боялась нарушить хрупкое равновесие, которое только что установилось между нами.

Чемоданчик она всё-таки тащила сама, хотя он явно был ей тяжеловат: ручка врезалась в ладонь, а корпус периодически стучался о ступеньки. Пушок тихо мяукал у неё на руках, его крошечное тельце подрагивало от волнения. Как она не свалилась со всем этим с лестницы, я не знаю — казалось, ещё шаг, и вся эта конструкция рухнет.

Комната, которую отец приготовил для неё, была бывшей гостевой. Светлая, с большим окном и дурацкими розовыми занавесками, которые я тогда возненавидел — они казались мне насмешкой над моим горем, неуместным пятном радости в мире, который для меня стал серым. Я толкнул дверь

ногой и отошёл в сторону.

— Вот. Твоя теперь.

Она остановилась на пороге, оглядывая комнату огромными глазами — в них читалось что-то детское, почти восторженное. Потом осторожно поставила котёнка на пол. Комок шерсти сразу же начал исследовать территорию — обнюхивал плинтусы, тыкался носом в углы, а она сделала маленький шаг вперёд и тихо спросила:

— А можно... можно я повешу здесь свои рисунки?

Я пожал плечами, делая вид, что мне всё равно, но краем глаза заметил, как она сглотнула — ждала ответа, будто от него зависело что-то важное.

— Мне пофиг.

Она кивнула, но не двинулась с места. Стояла и смотрела на меня, как будто хотела что-то сказать, но боялась. В её взгляде читалась нерешительность, а пальцы непроизвольно теребили край платья.

— Ты меня ненавидишь, да? — вдруг спросила она едва слышно, голос дрогнул на последнем слове.

Вопрос застал врасплох. Я хотел сказать «да», хотел сказать что-то злое и колкое, чтобы она почувствовала хоть кап-

лю той боли, что жгла меня изнутри. Но вместо этого только отвернулся к окну, разглядывая расплывчатые очертания деревьев за стеклом.

— Я ненавижу, что вы здесь.

Она помолчала. Потом очень тихо произнесла:

— Я тоже не хотела переезжать. У меня там подруги остались. Но мама сказала, что здесь нам будет лучше.

Я резко обернулся. В её глазах снова блеснули слёзы, но она их не вытирала. Просто стояла и смотрела на меня, прижимая к груди худенькие руки — пальцы были тонкими, почти прозрачными, а на запястьях проступали голубые прожилки.

В этот момент я впервые заметил, какие у неё тонкие запястья. И снова сравнил её с оленёнком — таким же хрупким, пугливым, не приспособленным к этому жёсткому миру.

— Ладно, живи, — буркнул я и развернулся, чтобы уйти.

Но она вдруг схватила меня за край футболки. Маленькими пальцами с обгрызенными ногтями — видно было, что она нервничая, грызла их.

— Подожди!

Я замер. В груди что-то ёкнуло — не то раздражение, не то неожиданное сочувствие.

— Что ещё?

— Можно я буду называть тебя братиком? — спросила она, глядя снизу вверх. Её глаза были широко раскрыты, в них читалась такая отчаянная надежда, что внутри всё перевернулось.

Меня будто кипятком обдало. Кровь прилила к лицу, в ушах застучало. Этот вопрос задел сильнее, чем я ожидал, — словно она коснулась самого болезненного места, о котором я старался не думать.

— Нет! — рявкнул я слишком громко. — Никогда! Я тебе не брат. И никогда им не буду. Поняла?

Она отдернула руку, как будто обожглась. Губы снова задрожали, а в глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние.

— Поняла...

Я ушёл, громко хлопнув дверью. Забежал в свою комнату и, прислонившись спиной к стене, сполз на пол, обхватив голову руками. Ладони дрожали, дыхание сбивалось, а в груди клубилась смесь злости, вины и беспомощности.

Я зажмурился так сильно, что в глазах заплескали искры — красные, синие, фиолетовые, будто фейерверк в темноте. Эта девчонка только что одним предложением словно воткнула в меня нож. И теперь внутри всё горело огнём — не просто жгло, а выедало изнутри, оставляя после себя пустоту.

В тот вечер я долго не мог заснуть. Лежал и смотрел в потолок, разглядывая тени от ветвей за окном — они шевелились, будто живые, напоминая о том, как теперь поменяется моя жизнь. Каждая минута тянулась бесконечно, а мысли крутились вокруг одного: как дальше быть?

— Прости меня, мам... — прошептал я в темноту. — Я не хотел...

Я повернулся на бок и уткнулся лицом в подушку, вдыхая слабый запах стирального порошка — он почему-то напомнил мне о маминых объятиях.

И злился.

Злился, потому что понял — они не уедут. Не свалят через неделю. Они останутся. А значит, мне придётся как-то с этим жить, но сдаваться я не собирался.

3.

В тот момент я твёрдо решил, что буду бороться за своё место в этом доме. Даже если для этого придётся идти до конца.

Я физически не мог издеваться над мачехой, потому что в моём детском мозгу это выглядело настоящим кошунством. Словно я издевался над мамой. Каждый раз, когда Мила улыбалась мне или пыталась поговорить, у меня внутри всё сжималось от странной, болезненной смеси злости и вины. Поэтому я отрывался по полной именно на сводной сестре.

Однажды я спёр её новую куклу, ту самую, которую ей подарили на день рождения. Я заперся в своей комнате, достал чёрный маркер и пририсовал кукле огромные рога, клыки и злые красные глаза. Изуродовал её до неузнаваемости, превратив в настоящего монстра. Когда я вернул куклу на место, то почувствовал мрачное удовлетворение.

Мила, увидев «произведение искусства», только улыбнулась и сказала, что вышло очень даже креативно и теперь кукла не похожа на других. Эксклюзив, так сказать. Но Лика всё равно ревела — громко, навзрыд, уткнувшись лицом в подушку.

Я стоял у двери в гостиную, сжимая в руке тот самый чёрный маркер. Из-за двери доносились голоса — отец и Мила разговаривали тихо, но я разобрал каждое слово.

— Он просто не умеет выражать чувства, — мягко сказала Мила. — Ему нужно время, чтобы привыкнуть. И наше внимание... особенно твоё.

Отец тяжело вздохнул.

— Я пытаюсь, Мила. Но он словно нарочно отталкивает меня. Каждый раз, когда я хочу поговорить, он огрызается или уходит.

— Может, ему кажется, что ты теперь больше занят Ликой? Дети так воспринимают...

Я отпрянул от двери.

«Не умеет выражать чувства»! Да они просто не хотят меня понимать! Думают, что я какой-то несмышлёныш, который не может сформулировать свои мысли. А на самом деле им просто удобнее считать меня капризным ребёнком — тогда не придётся признавать, что они сами всё испортили.

Стиснув зубы, я сжал маркер так, что пластик треснул. В голове крутилось: «Когда в последний раз отец так же бес-

покоился обо мне? Когда пытался разобраться, что со мной не так?»

Я стал перебирать воспоминания, цепляясь за них, как за ниточки. Вот отец учит меня кататься на велосипеде — держит за сиденье, бежит рядом, подбадривает. Вот они с мамой смеются, когда я, пятилетний, пытаюсь сварить «суп» из листьев и камешков. Вот он покупает мне первый футбольный мяч...

Но после маминой смерти — пусто. Никаких разговоров «по душам», никаких попыток выяснить, что творится у меня внутри. Только замечания: «Почему опять двойка?», «Убери в комнате», «Не груби». А когда я провинился по-крупному — например, разбил окно мячом, — отец просто лишил меня прогулок на неделю и больше не вспоминал об этом. Ни «давай обсудим, почему так вышло», ни «я расстроен, но всё равно тебя люблю».

Ничего.

Зато теперь они с Милой строят теории, почему я «не умею выражать чувства».

Злость, горячая и колючая, поднялась в груди. Я бросил сломанный маркер в угол и пошёл прочь, но голос Милы догнал меня:

— Мы должны показать ему, что он по-прежнему важен. Что ничего не изменилось.

«Изменилось всё», — подумал я, ускоряя шаг.

Отец, конечно, сразу же купил Лике вместо испорченной две новые куклы, сказав, что эти даже лучше, и в придачу — большой кукольный домик с мебелью и крошечной посудой.

Шмакодявка была счастлива: она сидела на ковре и расставляла новых кукол по комнатам, тихо напевая что-то себе под нос. А я бесился. Бесился молча, чувствуя, как внутри всё кипит от бессильной ярости.

Почему у неё всё так легко получается? Почему ей прощают, покупают, жалеют? А я должен был бороться за каждый кусочек внимания отца, за каждый спокойный вечер в этом доме, который когда-то был только нашим.

Той же ночью я пробрался в её комнату, когда весь дом уже спал. Половицы тихо скрипели под ногами, а сердце колотилось так, будто я совершал настоящее преступление. В руке у меня была свежая розовая жвачка, которую я специально разжёвывал до мягкости.

Комната Лики пахла её новым шампунем с каким-то ду-

рацким фруктовым ароматом и чуть-чуть — тем самым маминым запахом, который теперь носила и её мать. Это злило меня особенно сильно.

Я осторожно подошёл к кровати. Она спала, свернувшись калачиком, обнимая своего блохастика. Её волосы — длинные, светлые, с красивыми завитушками — разметались по подушке.

Я медленно, почти торжественно, взял прядь у самого затылка и вдавил в неё липкую жвачку. Размазал хорошенько, чтобы отодрать потом было почти невозможно.

Как она ревела на следующий день! До настоящей истерики, до красного, распухшего носа, до громких, захлёбывающихся соплей. Она стояла посреди своей комнаты в одной пижаме и выла так, будто я убил её любимого Пушкина. Слёзы текли ручьями, а она всё пыталась пальцами выковырять эту гадость из волос, но только сильнее всё запутывала.

Меня, конечно, наказали, хотя я отпирался до последнего. «Это не я! Откуда я знаю, кто это сделал!» — твердил я, глядя отцу прямо в глаза. Пусть сначала докажут.

Но отец был непреклонен.

Я никогда раньше не видел его таким злым: скулы напря-

жены, глаза потемнели. Он всё время хватался за ремень, который висел на спинке стула, и я уже приготовился к тому, что сейчас получу по полной.

Но неожиданно мачеха встала между нами. Мила мягко положила ладонь отцу на плечо и тихо сказала, что не стоит, что я ещё ребёнок и все мы совершаем ошибки.

Ведь она должна была злиться — я испортил шикарные локоны её дочери. А вместо этого она была слишком доброй и понимающей. И это выводило меня из себя ещё больше.

Почему она не кричит? Почему не требует, чтобы меня наказали по-настоящему? Её спокойствие казалось мне предательством по отношению к собственной дочери.

В итоге отец всего лишь лишил меня карманных денег на месяц. Денег было жалко, тем более что я уже несколько месяцев собирал на новую приставку — ту самую, о которой мечтали все пацаны в округе.

Каждый вечер я представлял, как сижу в своей комнате и играю часами напролёт.

Но в итоге я решил, что оно того стоило, когда шмакодавка пошла на первое сентября подстриженная почти под мальчика. Короткий, неровный ёжик, который ей сделали в

салоне, чтобы вырезать жвачку.

Она шла по двору, низко опустив голову, и причитала, что теперь все в школе будут её дразнить.

Конечно, ей было непросто. Новенькая в классе, да ещё и с такой эксцентричной причёской, которая сразу выделяла её среди всех аккуратных девочек с бантиками.

Но тогда меня это совершенно не волновало. Я был весьма горд собой. Вечером того дня я лежал на своей кровати и улыбался в потолок, представляя, как она краснеет, когда одноклассники показывают на неё пальцем. Маленькая победа в моей личной войне.

Меня огорчало только то, что отец расстраивался. Я видел, как он смотрит на Лику с виноватой нежностью, как гладит её по коротко стриженной голове и говорит, что волосы быстро отрастут. Он старался быть справедливым, но я чувствовал — ему больно видеть, как мы с ней не ладим.

Но на войне все средства хороши, поэтому чем-то приходится жертвовать. Даже отцовским спокойствием.

4.

Я отловил Пушка вечером, когда он мирно дремал на подоконнике в комнате Лики. Кот уже давно перестал быть маленьким пушистым комочком — стал крупным, белым, с ленивым взглядом. Я уволок его подальше от дома, чтобы никто не услышал, и взял отцовскую бритву.

Шерсть летела клочьями, кот шипел и царапался, но я держал крепко. Когда я закончил, на земле лежала целая гора белой шерсти, а Пушок выглядел жалко — голый, розовый, с редкими торчащими волосками и испуганными глазами. Жалкое зрелище. Но вместо жалости я почувствовал горькое удовлетворение.

«Вот так. Теперь ты такой же нелепый, как я себя чувствую в этом доме», — пронеслось в голове.

Я отпустил его, кот удирал от меня со всех ног, а я сел прямо на землю, обхватив руками колени, и думал о том, что теперь мне точно влетит.

Я сам не мог тогда до конца понять, зачем творю всё это, но остановиться уже не мог. Кот не сделал мне ничего плохого.

В голове всплыло лицо Лики. Как она будет смотреть на этого несчастного, голого кота? Она обожает Пушка. Он был частью её мира. Милого, уютного, где всё правильно и красиво. А я только что вырвал кусочек из этой картинки.

Пусть теперь и у неё будет что-то уродливое, нелепое, выбивающееся из гармонии. Пусть почувствует хоть каплю того, что чувствую я.

И может она наконец тоже возненавидит меня. А не будет смотреть своими оленьими глазами, с какой-то непонятной мне надеждой.

Я не мстил коту. Не пытался что-то доказать. Я просто... срывался. Так же, как на Лике, на отце, на всём мире.

Я поднялся, отряхнул штаны. Руки всё ещё дрожали, но внутри закипала злость — уже не на кота, а на себя. На свою слабость. На то, что единственный способ выплеснуть эту боль — сделать кому-то больно.

Я пнул камешек носком ботинка. Тот покатился по земле и упал в траву.

«Глупо, — подумал я. — Бессмысленно. Но... по крайней мере, я хоть что-то сделал».

Но триумф, которого я ожидал, так и не пришёл. Вместо него внутри нарастала пустота. Холодная, липкая. Словно дыра в груди, которая образовалась после смерти мамы, стала ещё больше.

Тишина вокруг давила. Я побрёл домой, готовясь встретиться с последствиями своего поступка.

Отец был в ярости. Он ворвался ко мне в комнату, схватил за плечо так сильно, что пальцы впились в кожу, и почти прорычал:

— Это уже переходит все границы, Влад!

Я почувствовал, как внутри всё сжалось — не от страха, а от какого-то странного, холодного облегчения. Наконец-то я его довёл.

Но Мила снова встала между нами. Положила руку отцу на грудь и тихо сказала:

— Слава, не надо. Он сам всё понимает.

Но я ничего не понимал. Я смотрел на неё — на эту женщину, которая всегда улыбалась, всегда прощала, всегда находила слова, — и чувствовал, как внутри меня что-то ло-

мается.

Почему она не злится? Почему не кричит на меня? Её спокойствие было хуже любого ремня. Оно делало меня ещё более виноватым и одновременно ещё более злым.

Они вышли из моей комнаты, а я прокрался следом по коридору и остановился за углом, прижавшись спиной к холодной стене. Дверь в их спальню была приоткрыта. Свет ночника падал на пол узкой полосой. Я выглянул осторожно, стараясь не дышать.

В тот день я впервые услышал, как Мила плачет. Не при мне. А тихо в спальне, так, чтоб я не слышал, всё так же защищая меня при отце.

— У меня не получается, Слава! — всхлипывала она, голос дрожал и ломался. — Я стараюсь, очень стараюсь, но у меня ничего не выходит.

Я замер, услышав её плач. Сердце пропустило удар. Я сжал кулаки, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Не плачь, — попытлся успокоить её отец, голос у него был хриплый, растерянный. — Я надеру ему уши!

— Не надо, Слава, — голос мачехи сорвался, и в нём слышалась настоящая мольба. — Он хороший! Очень хороший! Просто ему тяжело принять нас с Ликой. Зря мы с тобой это всё затеяли, — с горечью добавила она, — я говорила тебе, что ничего не получится.

Выглянув из-за угла, я видел, как слёзы текут по её лицу, она вытирала их тыльной стороной ладони, но они всё равно продолжали бежать.

Как она в бессилии заламывает руки, как пальцы переплетаются и снова разжимаются. Как её плечи опустились, будто на них легла вся тяжесть этого мира.

Она выглядела такой маленькой и уставшей, что у меня вдруг сжалось горло. Я никогда раньше не видел её такой — без привычной мягкой улыбки, без того спокойствия, которое всегда меня бесило.

И вдруг злость, которая всё это время кипела во мне, испарилась. Я почувствовал вину. Она вонзилась в самое сердце: это из-за меня она плачет. Из-за моих поступков, из-за моей злости, которую я обрушивал на всех вокруг.

Отец опустился у её ног на колени, обхватил её колени руками, будто боялся, что она сейчас встанет и уйдёт:

— Но я люблю тебя! Я устал от одиночества! Устал ложиться в холодную постель. Марта хотела бы, чтоб я жил дальше, чтоб у Влада была мать. Она неоднократно просила меня об этом, чтоб я не закрывался от всего мира в своём горе, когда её не станет. Я не хотел, чтоб так вышло. Не хотел снова жениться. Но ты заставила меня снова почувствовать себя живым, спустя столько лет.

Мила гладила его по волосам, как маленького, прижимая к себе. Её пальцы дрожали, но движения были нежными, почти механическими.

— Я знаю, Слава, всё знаю. То, что пережили вы двое, это страшно даже представить, но он несчастлив. Я так не могу. Не могу быть с тобой ценой его счастья. Мы с Ликой должны уехать.

И в этот момент до меня дошло: они любят друг друга. По-настоящему. А я... я только мешаю. Боль ударила неожиданно — не физическая, а какая-то другая, глубокая. Я сжал кулаки, чувствуя, как глаза начинает щипать.

Её всхлипы доносились до меня, будто сквозь вату. Я прижался спиной к стене, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Внутри меня всё смешалось. Стыд, злость, страх, что они действительно уедут и отец снова станет тем пустым человеком, каким был после смерти мамы.

Я представил, как дом опять наполнится тишиной, как отец будет сидеть вечерами в кресле и смотреть в одну точку. И как я останусь один на один с с этой виной.

Я тихо отошёл от двери и вернулся в свою комнату. Сел на кровать, обхватил голову руками. Пушок, голый и жалкий, прошмыгнул мимо двери и скрылся где-то в коридоре. Я знал, что Лика увидит его и снова заплачет. Знал, что Мила опять будет улыбаться мне сквозь усталость.

И всё равно где-то глубоко внутри меня всё ещё кипела та старая, детская злость. Я не мог просто взять и перестать. Не мог стать хорошим братом за одну ночь. Но мысль о том, что они могут уехать из-за меня, впервые по-настоящему напугала меня.

Я лёг и долго смотрел в потолок. Мысли крутились, сталивались, путались. Перед глазами стояли голый Пушок, шмыгнувший прочь, слёзы Милы, дрожащие руки отца и отчаяние, с которым они цеплялись друг за друга.

Апатия, сковывавшая меня последние месяцы, вдруг треснула. Я осознал: дело не в них. Дело во мне. В моей злости, в моём страхе остаться одному, в моей неспособности принять новую семью. Я стиснул зубы. Хватит. Пора что-то менять.

Я понял, что должен хотя бы попытаться наладить отношения со шмакодявкой. Ради Милы. Потому что она была хорошей и заслуживала этого.

5.

Проснулся я от запаха блинчиков. Пахло сладко, с лёгкой ноткой ванили — так, как умеет только Мила. Я лежал, уставившись в потолок, и слушал, как на кухне звенит посуда, как свистит, закипая чайник, как где-то вдалеке проезжает машина.

Вчерашний вечер будто накрыло пеленой. Сцены всплывали отрывками: голый Пушок, слёзы Милы, отчаяние в голосе отца. Внутри всё ещё ныло, но теперь это была не злость — а что-то другое. Тяжёлое и мрачное.

Я поднялся, натянул футболку и джинсы. Руки слегка дрожали — не от страха, а от какого-то странного волнения. В зеркале отразился взлохмаченный парень с тёмными кругами под глазами.

«Пора», — сказал я себе. Пора перестать прятаться за злостью. Пора попробовать быть другим.

Я спустился на кухню.

Мила стояла у плиты, слегка покачиваясь в такт мелодии из приёмника. Её волосы были собраны в небрежный пучок,

несколько прядей выбились и падали на шею. Она перевернула блинчик — тот ловко перевернулся в воздухе и плюхнулся обратно на сковороду.

Я замер в дверях. Хотелось развернуться и уйти, спрятаться в комнате, как раньше. Но я сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

— Доброе утро, — голос после сна был хриплым.

Мила обернулась. На её лице мелькнуло удивление, тут же сменившееся мягкой улыбкой:

— Доброе, Владик. Как спалось?

Она спросила так просто, так по-домашнему, что у меня защемило в груди. Вчера она плакала из-за меня, а сегодня всё равно спрашивает, как я спал.

— Не очень, — признался я. — Можно... можно мне с вами... с тобой... поговорить?

Её улыбка чуть дрогнула, но она кивнула:

— Конечно. Садись, сейчас блинчики будут готовы.

Я сел за стол, сжимая и разжимая пальцы. Как начать? Как сказать то, что нужно? Мысли путались, а слова застревали

в горле.

— Мила... — начал я и замолчал.

Она поставила передо мной тарелку с тремя румяными блинчиками, политыми сиропом. Рядом положила вилку и салфетку.

— Ешь, пока горячие, — сказала она.

Я посмотрел на неё. В её глазах не было ни упрёка, ни осуждения. Только тепло и ожидание. И это вдруг помогло.

— Я хотел попросить прощения, — выпалил я. — За вчерашнее. За всё. За Пушка, за то, что натворил, за то, как себя вёл всё это время. Я... я не хотел делать тебе больно. Правда. Просто... просто я не знаю, как по-другому.

Она замерла, держа в руках чашку с кофе. Потом медленно поставила её на стол и села напротив меня.

— Спасибо, что сказал это, — тихо произнесла она. — Это очень важно для меня.

И я понимаю, что ты чувствуешь, честно. Никто не заметит твою маму, и я не пытаюсь это сделать, лишь хочу стать тебе другом. Если ты позволишь.

В груди что-то дрогнуло.

— Позволю, — выдохнул я. — Я больше так не буду, — добавил я, чувствуя, как становится легче. — Я постараюсь. Честно. Я понимаю, вы не виноваты в смерти мамы, никто не виноват. Вы просто хотите, чтобы у нас была семья. А я всё испортил.

Мила протянула руку через стол и на мгновение коснулась моей ладони:

— Владик, мы все делаем ошибки. Главное — уметь их признавать. И хотеть исправиться.

Я кивнул, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Но это были не слёзы злости или обиды — а облегчение. Как будто гора свалилась с плеч.

— А Пушок... — начал я.

— С ним всё в порядке, — улыбнулась Мила. — Лику его отмыла, завернула в плед и теперь лечит, как раненого солдата. Говорит, что будет делать ему компрессы из лопуха, чтобы шерсть быстрее отросла.

Я невольно усмехнулся:

— Типично для Лику.

— Да, — её глаза потеплели. — Она очень добрая девочка. И очень любит тебя, знаешь?

Я опустил взгляд:

— Иногда мне кажется, что ты слишком добрая для меня.

— Ты просто дорог мне, — мягко произнесла она, — как и твой папа.

Мы помолчали. Я взял вилку и откусил блинчик. Он был тёплым, сладким, с лёгкой кислинкой варенья.

— Вкусно, — пробормотал я.

— Рада, что нравится, — она сделала глоток кофе. — Я рада, что ты решил извиниться. Это очень смелый мужской поступок. Я горжусь тобой.

Я поднял глаза:

— А если я опять сорвусь?

— Мы снова поговорим, — просто сказала она. — Ты всегда можешь прийти ко мне и рассказать, что тебя беспокоит. И я помогу.

Я замер. Никто никогда не предлагал мне помощи так просто, без условий. Кроме мамы.

— Спасибо.

Мила встала, обошла стол и остановилась рядом со мной. Я замер, не зная, что делать. Она слегка наклонилась и положила руку мне на плечо:

— Всё будет хорошо. Мы справимся. Вместе.

И тогда я решился. Поднялся со стула, неловко распрямил плечи и сделал то, чего не делал никогда, — обнял её.

Это было странно. Неловко. Мои руки будто не знали, куда деться, а сердце стучало так громко, что, казалось, она услышит. Но Мила не отстранилась. Наоборот — она обняла меня в ответ, крепко и слегка погладила по спине.

Тепло её рук проникало сквозь футболку, и впервые за долгое время мне не хотелось отстраняться. Я услышал, как она тихо вздохнула — не устало, а облегчённо, будто дождалась чего-то очень важного.

— Всё хорошо, — шепнула она. — Всё будет хорошо.

Я уткнулся лицом в её плечо. Запах ванили и кофе, тепло её рук — всё это вдруг стало таким родным, таким нужным. И я понял, что не хочу больше отталкивать её. Не хочу быть причиной её слёз.

— Прости ещё раз, — пробормотал я, не отрываясь от её плеча.

— Прощаю, — ответила она. — И всегда буду прощать, если ты будешь говорить со мной. Обещаешь?

— Обещаю, — я отстранился, вытирая рукавом глаза. — И... спасибо. За всё.

Мила улыбнулась, на её глазах тоже блеснули слёзы:

— Хорошего дня, Владик. И удачи в школе.

Я схватил рюкзак и уже направился к двери, но остановился. Обернулся.

Мила всё ещё стояла у стола.

— Я... постараюсь не подводить тебя больше, — выпалил я и вышел, прежде чем она успела ещё что-то сказать.

На улице воздух был свежий, с лёгкой утренней прохла-

дой.

Я вдохнул полной грудью — и впервые за долгое время не почувствовал тяжести на душе. Наоборот было легко и спокойно.

Я решил больше не делать гадостей Лике. Не из-за неё, а из-за Милы. Потому что она была хорошей и заслуживала счастья, а я... я хотя бы мог попытаться не усложнять ей жизнь.

6.

Месяц прошёл на удивление спокойно. Я ложился и вставал, ходил в школу, делал уроки — и всё это под странным ощущением, будто я учусь ходить заново. Каждый шаг нужно обдумывать: что сказать, как отреагировать, куда деть руки, когда Мила улыбается мне за завтраком.

Она старалась не давить. Никаких лишних вопросов, никаких попыток «поговорить по душам».

Просто: «Будешь чай?», «Не замёрзнешь без шапки?», «Успел пообедать?».

И от этой простоты было ещё сложнее.

Лика же, напротив, будто решила взять меня штурмом.

— Влад, смотри, что я нарисовала! — она подскочила ко мне в коридоре после школы, размахивая листом бумаги. Её косички подпрыгивали, а глаза горели восторгом.

— Угу, — буркнул я, пытаюсь обойти её к лестнице.

— Это ты! Видишь, у тебя тут меч, ты рыцарь! — она развернула рисунок прямо перед моим носом.

На нём был высокий мальчик с огромным мечом, стоящий перед замком.

— Я специально сделала тебя самым большим!

— Неинтересно, — я ускорил шаг, чувствуя, как внутри поднимается привычное раздражение.

Её улыбка дрогнула, но она побежала следом, чуть не спотыкаясь о свои же ноги:

— У меня новая настольная игра — «Эволюция динозавров». Там надо создавать виды и выживать. Но она для двоих, а мама занята. Сыграем?

— Нет времени, — отрезал я и скрылся в своей комнате, захлопнув перед её носом дверь.

Почему она просто не оставит меня в покое?!

Но она не сдавалась. Вечером она зашла без стука в мою спальню, когда я делал уроки.

Я поднял глаза:

— Чего припёрлась, шмакодявка?

Она стояла у дверей, переминаясь с ноги на ногу, и сжи-

мала в руках картонную коробку.

— Я подумала... — начала она и запнулась, — Мы могли бы... Может, ты согласишься вместе со мной собрать пазл? У меня новый, с драконами! Там целых пятьсот деталей!

Я насупился:

— Ты что, читать не умеешь? Там же на двери крупными буквами написано: «Посторонним вход запрещён!» Уходи, и больше не заходи в мою комнату никогда! Поняла?

Она поникла и шмыгнула носом:

— Поняла.

Дверь захлопнулась за ней.

За стеной слышался тихий вздох. Потом — удаляющиеся шаги. Я прислонился к двери, слушая, как затихает её топот.

Вечером за ужином Мила как ни в чём не бывало рассказывала о работе, отец кивал, а Лика молчала, ковыряя вилкой котлету. Она больше не улыбалась, и косички её теперь висели уныло, как две верёвочки.

— Лик, а ты как день провела? — спросила Мила.

— Нормально, — буркнула та. — В школе задали поделку для ярмарки. Надо сделать домик из веток.

— О, это интересно! — оживилась Мила. — Влад, может, поможешь ей завтра после школы? Ты же хорошо мастеришь.

Я замер с вилкой в руке. Вот оно. Опять. Они хотят, чтобы я играл роль доброго брата.

— Я иду играть в футбол с пацанами.

— Может, пропустишь один разок? — мягко спросила Мила.

— Не могу, я уже пообещал, — я отодвинул тарелку. — Я пойду, мне уроки делать.

Выходя из-за стола, я случайно встретился взглядом с Ликой. В её глазах стояли слёзы. Она быстро опустила голову, делая вид, что увлечена едой, но я успел заметить, как дрожат её губы.

В своей комнате я сел за стол, но сосредоточиться не получалось. Перед глазами стояло её обиженное лицо.

«Ну и что? — твердил я себе. — Это не мои проблемы. Я и так уже слишком много делаю: не делаю ей пакости, не устраиваю скандалов, даже улыбаюсь иногда. Но притворяться, что я рад иметь младшую сестру... Это уже слишком».

На следующий день после уроков я уже собирался улизнуть через запасной выход, но меня окликнули:

— Владик!

Я обернулся.

Лица стояла у шкафчиков, сжимая в руках пакет с ветками и клеем. На плече у неё висел рюкзак с изображением единорога — такой же розовый и нелепый, как и вся её настойчивость.

— Я... я подумала, может, ты всё-таки поможешь? — она говорила быстро, не поднимая глаз. — Просто показать, как лучше склеить, и всё. Я сама всё сделаю, честно!

Внутри всё сжалось. Её голос звучал так отчаянно, будто от моего ответа зависело что-то очень важное.

— Слушай, — я постарался говорить

ровно, — у меня дела. И вообще, я не мастер по поделкам. Попроси Милу.

— Она уже помогала... — прошептала Лика. — Но я хотела с тобой.

Я почувствовал, как снова начинаю злиться. Почему она не понимает с первого раза?

— Я не твоя нянька, ясно? — слова вырвались резче, чем я хотел. — Занимайся своими поделками сама.

Лика вздрогнула, как от пощёчины. Пакет выскользнул из её рук, ветки рассыпались по полу. Она молча нагнулась, начала собирать их дрожащими пальцами.

Мне вдруг стало стыдно. Я сделал шаг вперёд:

— Послушай, я...

— Всё нормально, — перебила она, не глядя на меня. — Я сама. Извини.

Развернулась и пошла прочь. Её плечи подрагивали, и мне показалось, что она вот-вот расплачется.

Я стоял и смотрел ей вслед, сжимая кулаки. «Ну вот, —

подумал я. — Опять. Я опять это сделал. Довёл её до слёз. А ведь мне просто хотелось, чтоб она отстала от меня».

Вечером ко мне в комнату постучал отец:

— Влад, мы можем поговорить? — спросил он тихо.

Я отложил телефон с онлайн-игрой и повернулся к нему.

— Заходи, — буркнул я, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Ты не обязан любить Лику, — сказал он. — И не должен притворяться. Но она очень ранимая. И она правда тянется к тебе.

— А если я не готов? — вырвалось у меня. — Если я вообще не хочу её к себе подпускать?

Отец вздохнул:

— Понимаю. Но она твоя сестра. Ты должен...

— Она мне не сестра! — сорвался я, вскакивая с кровати. — Я разве тебя об этом просил? Просил сестру? Я просил собаку! Но ты не разрешал! Никогда! Почему ей можно было

завести кота, а мне собаку нельзя? Это всё из-за неё! Я её ненавижу! Ненавижу!

За дверью что-то глухо упало, а потом раздался быстрый топот детских ног по коридору. Шмакодявка всё слышала.

«Тем лучше, — зло подумал я, — теперь она не будет лезть ко мне со своими дурацкими просьбами».

Отец поднялся, тяжело вздохнул и потёр переносицу.

— Я понимаю твою обиду, но ты сейчас не прав. Лика здесь ни при чём... Дай ей шанс, — мягко добавил он. — И себе тоже.

С этими словами он вышел, оставив меня одного сжимать кулаки в бессильной ярости.

Должно же было стать легче, я же высказал отцу всё, что накопилось внутри. Должно же было?

Но не становилось. Было муторно и гадко. Словно я извалялся в грязи. И эта грязь въелась, став частью меня, пропитав до самых костей.

«Так даже лучше», — твердил я себе в ту ночь, пытаюсь

уснуть, но почему-то сам в это уже не верил.

7.

Больше Лика ко мне не подходила, а я старательно делал вид, что её не существует.

Пока мне не исполнилось четырнадцать.

В тот год я сильно заболел. Всё началось с обычной простуды — горло першило, голова была тяжёлой, но я решил, что пройдёт само. На физре пробежал пару кругов, потом ещё посидел в раздевалке с мокрой спиной, а на улице дождь лил как из ведра.

Домой пришёл уже с ознобом. К вечеру температура подскочила до тридцати девяти.

Я лежал в своей комнате, завернувшись в одеяло, хотя под ним было жарко и липко.

Тело ломило так, будто меня пропустили через мясорубку: суставы ныли, мышцы тянуло, а в голове стучало ровным, тупым ритмом. Свет от лампы на столе резал глаза, даже когда я их прикрывал.

Каждый вдох отдавался дискомфортом в груди. Я не хотел никого звать. Просто лежал и смотрел в потолок, думая, что мне точно влетит от родителей.

Мила заметила первой. Она зашла проверить, почему я не вышел ужинать, и сразу положила ладонь мне на лоб. Ладонь была прохладная, с лёгким запахом ванили от её крема. Я хотел отмахнуться, сказать, что всё нормально, но голос сел, и вместо слов вышел только хрип.

— Температура высокая, — сказала она тихо, не паникуя.
— Сейчас принесу что нужно.

Отец был в ночь на смене, так что она взяла всё на себя. Принесла градусник, таблетки от жара, стакан воды. Я выпил, поморщившись, каждый глоток давался с трудом.

Потом она ушла на кухню и вернулась с чаем. Чай пах малиной и мёдом, от него поднимался густой пар. Она села на край кровати, помогла мне приподняться и поднесла кружку к губам.

Я пил мелкими глотками, обжигаясь, но внутри становилось чуть легче, хоть что-то тёплое разливалось по телу.
Ночь вышла длинной. Температура не спадала.

Я то проваливался в тяжёлый, липкий сон, то просыпался от того, что пот заливал глаза, а простыня под спиной была мокрой. Мила не уходила. Она сидела в кресле у моей кро-

вати, иногда дремала, но стоило мне пошевелиться или застонать, как она сразу поднималась.

Меняла мокрые полотенца на лбу — сначала холодные, потом чуть тёплые, когда озноб начинал бить меня волнами. Руки у неё были спокойные, движения точные, без лишней суеты.

Она не говорила «всё будет хорошо» или «потерпи, солнышко». Просто делала то, что нужно: поправляла одеяло, если я скидывал его в бреду, давала пить, измеряла температуру каждые два часа.

В какой-то момент, ближе к трём ночи, меня начало колотить по-настоящему. Зубы стучали, тело сотрясала крупная дрожь, хотя кожа горела.

Мила встала, принесла ещё одно лёгкое одеяло, укрыла меня, а потом села ближе и просто положила руку мне на плечо. Не гладила, не обнимала, просто держала.

Тепло от её ладони пробивалось сквозь озноб. Я лежал с закрытыми глазами и вспомнил, что в детстве, когда болел, рядом была мама. Но мама обычно нервничала, плакала и всё время спрашивала у отца: «Что делать-то?»

А здесь было тихо. Только дыхание Милы и шорох полотенца.

Где-то около пяти утра дверь в комнату скрипнула. Я не спал, просто лежал в полубреду, когда температура слегка отпустила.

В полумраке увидел Лику.

Ей тогда было двенадцать. Она была в своей пижаме с длинными рукавами, волосы растрёпаны после сна. В руках — её старый плюшевый заяц, тот самый, с которым она никогда не расставалась. С одним ухом короче другого.

Она подошла на цыпочках, думая, что я сплю. Остановилась у кровати, посмотрела на меня, потом на Милу, которая дремала в кресле.

И осторожно, чтобы не разбудить никого, наклонилась и положила зайца мне под бок, ближе к руке.

Плюш был мягкий, чуть вытертый от времени, и пах её фруктовыми духами, которыми она иногда пользовалась. Она постояла секунду, поправила зайца, чтобы он не упал, и тихо вышла, закрыв дверь за собой почти без звука.

Я не пошевелился. Сделал вид, что сплю глубоко. Но заяц не убрал. Он остался лежать рядом, прижатый к моему бо-

ку. Ощущение в груди было странным: не радость и не нежность, а тяжесть с острыми краями, будто внутри под кожей засела заноза. И кто-то взял и ткнул пальцем прямо в то место, которое саднило.

Я лежал и думал: зачем она это сделала? После всего, что я ей устроил, она принесла своего зайца. Разве она не должна меня ненавидеть?

Утром температура спала до тридцати восьми. Мила заставила меня выпить ещё чаю, дала таблетку и сказала, что сегодня я никуда не иду.

Отец вернулся с работы рано утром, заглянул в комнату, потрогал лоб и только кивнул: «Отлежись». Он не ругался, не говорил, что я сам виноват из-за того, что не оделся нормально. Просто ушёл спать после смены.

День тянулся медленно. Я то спал, то лежал с открытыми глазами и смотрел в окно, где дождь всё ещё моросил. Мила заходила каждые полтора часа — меняла полотенце, приносила лёгкий бульон, который я еле глотал, потому что горло саднило.

Она не сидела постоянно, давала мне пространство, но всегда была рядом, когда нужно. Один раз я услышал, как

она тихо разговаривает по телефону с врачом и спрашивала про дозировку лекарств и когда можно вызвать, если не спадёт.

Ли́ка пришла после школы. Я услышал, как она скидывает рюкзак в коридоре, потом шаги к моей двери. Она приоткрыла её и заглянула. Увидела, что я не сплю.

— Как ты? — спросила шёпотом, будто боялась, что громкий голос мне навредит или разозлит.

— Нормально, — ответил я хрипло.

— Можно... я зайду? — спросила она робко.

Я лишь кивнул.

Она вошла, села на край кровати, возле моих ног. Посмотрела на зайца, который так и лежал у меня под рукой. Я не убрал его даже днём.

— Он помогает, когда мне плохо, — сказала она, не глядя мне в глаза. — Когда температура была, я его всегда клала рядом. Он и тебе поможет.

Я кивнул. Не знал, что сказать. В горле стоял ком, и не только от простуды. Я вспомнил, как портил её вещи, как

швырял в неё словами, желая задеть.

А теперь она сидела здесь и разговаривала со мной, как будто ничего этого не было. Или как будто это уже не имело такого значения.

— Спасибо, — выдавил я наконец.

Ли́ка пожала плечами, но уголки губ чуть приподнялись.
— Не за что. Ты же мой брат.

Это прозвучало просто, без пафоса. Просто факт. Я отвернулся к окну, чтобы она не увидела, как у меня щиплет глаза. Не от жара, от стыда и чувства вины.

Вечером температура снова поползла вверх. Мила снова сидела рядом, меняла компрессы. Ли́ка принесла свой планшет и предложила посмотреть что-нибудь лёгкое — мультфильм или старые видео с котами.

Мы смотрели молча. Она сидела на стуле, я — в кровати, под двумя одеялами. Заяц всё так же лежал сбоку. Иногда она комментировала что-то смешное тихим голосом, и я хмыкал в ответ, хотя смеяться было больно.

Ночью снова было тяжело. Озноб вернулся, голова кружилась, мысли путались. Мила не спала почти до утра. Она го-

ворила мало — только «пей», «подними голову», «всё нормально, температура держится».

Но её присутствие словно облегчало боль. Я не чувствовал себя один в этой жаре и ломоте. А когда Лика снова заглянула утром проверить, не нужно ли чего, я уже не притворялся спящим. Просто кивнул ей.

К третьему дню температура наконец начала спадать. Я смог сесть, поесть нормальной еды, а не только бульон. Тело всё ещё болело, но уже не так остро. Мила улыбнулась, когда увидела, что я сам допил чай.

— Молодец, — сказала она. Просто и спокойно. Без наруганий.

Лика заглядывала ещё пару раз. Я перестал автоматически огрызаться, когда она заходила в мою комнату за чем-то. Мы всё ещё не были «дружной семьёй» из тех, что показывают в рекламе, но уже и не были совсем чужими.

Я по-прежнему держал дистанцию, но теперь она перестала быть враждебной.

Однако заяц всё ещё лежал у меня на кровати. Он смотрел на меня своими пуговичными глазами с немым укором, будто ждал от меня чего-то, только я никак не мог понять чего.

8.

Прошло ещё несколько дней, прежде чем я смог нормально встать. Чувствовал я себя уже гораздо лучше и постепенно возвращался к жизни.

Признаюсь, первые дни после выздоровления были странными. Я избегал взгляда Лики, словно боялся, что она напомнит мне о моей слабости или, что хуже, о моей вине. Но она не напоминала. Продолжала жить своей жизнью, ходить в школу, играть с куклами.

Я уже почти не кашлял, только иногда по утрам в горле ещё першило. И я решил, что пришло время вернуть Лике любимца. Отец ушёл на работу, Лика была в школе, а Мила пошла в магазин. Это был самый подходящий момент.

Я схватил игрушку и пошёл в комнату Лики.

В её спальне царил беспорядок, словно она утром опаздывала и собиралась в спешке. Я поднял её пижаму и повесил на стул, затем прошёл к кровати и посадил на неё зайца. Осторожно поправил его, чтобы он сидел ровнее.

Медленно огляделся, замечая то, на что раньше просто не

обращал внимание. Над кроватью висел постер с героями её любимого мультфильма — яркие, улыбающиеся персонажи, будто застывшие в середине весёлого приключения.

У зеркала лежала открытая шкатулка с детскими украшениями: разноцветные резинки для волос, блестящие заколки, пара бус с пластиковыми цветами.

Всякие девчачьи штучки, которые Лика так любила.

Я уже обернулся, чтобы уйти, как вдруг взгляд зацепился за розовую тетрадку на столе. Она была открыта.

Я подошёл ближе. Это был дневник Лики.

Между страницами что-то торчало. Я осторожно потянул за край и извлёк засушенный цветок. Нежный, почти прозрачный, бережно сохранённый.

Наверное, она нашла его где-то во время прогулки, решила, что он красивый, и оставила на память.

Я аккуратно вложил цветок обратно на то же место, стараясь не повредить.

Тонкие страницы с клеткой, украшенные наклейками по

краям, лежали раскрытыми. Наверху стояла дата — та самая ночь, когда она принесла мне зайца. Рука сама потянулась к тетрадке, и я начал читать.

«15 марта. Сегодня Влад сильно болеет. Я слышала, как Мила говорила по телефону с врачом. Температура высокая, он почти не встаёт. Я хотела зайти к нему вчера, но он так на меня посмотрел... будто я — пустое место. Но сегодня я всё равно решила отнести ему зайца. Он всегда помогает мне, когда я болею. Может, и Владу станет легче. Я положила его рядом с ним, а он, кажется, спал. Надеюсь, заяц поможет. Мне так хочется, чтобы он поправился. И чтобы мы перестали быть... врагами».

Я замер. Пальцы невольно сжали край страницы. Перелистнул дальше.

«16 марта. Влад сказал „спасибо“. Просто „спасибо“, и всё. Но он это сказал мне. И не отмахнулся, когда я предложила посмотреть мультфильм. Мы сидели и смотрели котиков на планшете. Он даже хмыкнул пару раз. Мне кажется, он становится добрее. Или это я просто хочу так думать? Но заяц всё ещё лежит у него на кровати. Значит, он его не выбросил. Я так рада».

Сердце забилося чаще. Я взглянул на следующую запись.

*«17 марта. Сегодня я заглянула к нему утром. Он не при-
творялся спящим! Просто кивнул мне. Просто кивнул. Это
так много для меня. Может, он больше не будет меня оби-
жать? Может, мы сможем играть вместе? Мне бы так
этого хотелось».*

Дыхание перехватило.

Но я продолжал читать, не в силах оторваться».

*«18 марта. Влад выздоровел. Он вышел на кухню, сел на-
против меня. Мы пили чай. Он не говорил много, но и не огры-
зался. Это был хороший день. Самый лучший за долгое вре-
мя. Я думаю, он меняется. И я тоже. Я больше не боюсь его
так сильно. Я верю, что мы сможем стать ближе».*

Я листал и листал. Страницы дрожали в руках. Все записи
были в таком же духе:

*«Он посмотрел на меня и не нахмурился — это уже по-
беда».*

«Может, завтра он улыбнётся мне?»

Я не подозревал, что моя холодность настолько ранит её,

думал, что ей всё равно. Что со временем она смирится и отстанет. Не смирилась.

Я закрыл дневник, но слова продолжали звучать в голове: «Я верю, что мы сможем стать ближе».

На полях одной из страниц я заметил маленький рисунок: два человечка, держащиеся за руки. Один повыше, другой пониже. Рядом — солнце и несколько птиц в небе. Рисунок был сделан цветными карандашами, кое-где краска смазана, будто Лика долго водила по нему пальцем.

Сердце сжалось. Сколько раз она, наверное, перечитывала эти строки, рассматривала этот рисунок, надеясь, что однажды всё станет так, как она нарисовала?

Я вспомнил, как ломал её игрушки, обзывался, отталкивал, когда она хотела поиграть вместе.

А она верила. Всё это время она верила в меня, даже когда я этого не заслуживал. Она не держала зла, не напоминала о моей жестокости, не требовала извинений. Она просто... надеялась. Надеялась, что я стану лучше. И продолжала бороться за моё внимание. По-своему.

Взгляд снова упал на косого, сидящего на кровати. Теперь

он смотрел на меня уже не с укором, а с пониманием. Будто говорил: «Она простила тебя. Теперь твоя очередь».

Я аккуратно положил дневник обратно на стол, точно так, как он лежал. Проверил, что всё на своих местах — пижама на стуле, заяц на подушке, тетрадь открыта на той же странице.

Сделал шаг назад, оглядывая комнату. Беспорядок остался, но теперь он казался не небрежностью. Здесь жила девочка, которая верила в чудеса и в то, что люди могут меняться.

Дверь скрипнула, когда я её приоткрыл. Я замер на секунду, прислушиваясь. Тишина. Ни шагов, ни голосов. Никто не видел, что я был здесь. Никто не узнал, что я читал её дневник.

Вышел в коридор и тихо закрыл дверь. В груди что-то изменилось — не тяжесть, а тупая ноющая боль, как тогда, когда она оставила мне своего любимого зайца.

Остановился у своей комнаты, обернулся на дверь Лики. В голове крутились её слова из дневника: «Мы сможем стать ближе». Я глубоко вдохнул и выдохнул.

— Да, — прошептал я в пустоту коридора. — Сможем.

Развернулся и вошёл в свою комнату. Сел на кровать, посмотрел на окно. Дождь, который моросил все эти дни, наконец, закончился. Сквозь тучи пробивались первые лучи солнца.

Я знал, что делать дальше. Когда Лика вернётся из школы, я подойду к ней. Не просто кивну. Скажу что-нибудь. Может, спрошу, как прошёл день. Что угодно. Главное — начать.

Перед глазами стоял листок, исписанный детским почерком:

«Я знаю, что Влад иногда злится. Но я всё равно его люблю. И я верю, что он может быть добрым. Я буду ждать».

Пальцы сжались в кулаки. Я покажу ей, что её ожидание не было напрасным.

Я попробую стать тем, кого она заслуживает.

9.

Я сидел на краю своей кровати, уставившись в потёртый ковёр под ногами. В голове крутилась одна и та же мысль, как заезженная пластинка: надо что-то делать. Надо мириться с Ликой. Но как? С чего начать?

После всего, что я натворил — голый Пушок, испорченная кукла, залитый рюкзак, — простое «прости» звучало бы глупо и пусто. Она не поверит. И я бы на её месте тоже не поверил.

Я встал, прошёлся по комнате. Половицы тихо скрипели под ногами. Руки сами сжались в кулаки, потом разжались. Внутри всё ещё ныло от стыда и какой-то тяжёлой, мутной вины. Раньше я бы просто отмахнулся, сказал себе «да ладно, переживёт», но теперь...

Теперь это не работало. Я вспомнил, как она смотрела на меня в тот вечер — не со злостью, а с затаённой болью, словно уже устала ждать, что я перестану быть чудовищем.

Надо начать с мелочей, решил я. Не с громких слов, а с действий.

Вечером после ужина, когда Мила ушла мыть посуду, а

отец уткнулся в телефон, я подошёл к Лике. Она сидела на диване с книжкой в руках, ноги поджала под себя. Свет лампы падал на её волосы, делая их золотистыми.

Она не подняла глаз, когда я остановился рядом. Пальцы у неё были тонкие, с обгрызенными ногтями — признак того, что она нервничает чаще, чем показывает.

— Слушай... — начал я, голос вышел хриловатым. Я откашлялся. — Я хотел извиниться. За Пушка. За куклу. За рюкзак... Я не хотел, чтобы так вышло. Правда.

Лика перевернула страницу. Медленно, словно давая себе время подумать. Она молчала. В комнате повисла тишина, только часы на стене тикали.

— Я могу... ну, помочь с уроками или типа того. Если что не понимаешь, — добавил я, чувствуя, как слова застревают в горле.

Она наконец подняла глаза. В них не было злости. Только усталость — глубокая, взрослая, как у человека, который уже слишком часто разочаровывался.

— Зачем тебе это? — спросила она тихо, почти шёпотом.

Я пожал плечами, сунул руки в карманы джинсов, чтобы не было видно, как они дрожат.

— Просто... надоело всё это. Война. Хочу, чтобы... нормально было.

Лица несколько секунд смотрела на меня, потом вернулась к книге.

— Ладно.

Это было не «да», но и не «отвали». Я решил считать это хорошим началом. Сердце слегка отпустило. Я ушёл в свою комнату с ощущением, что сделал первый, крошечный шаг. Но внутри всё ещё было тяжело — как будто я нёс на плечах груз вины.

Каждый день я старался делать маленькие шаги навстречу. Не навязчиво. Просто быть рядом.

Когда она мыла пол в гостиной, я взял вторую тряпку и встал рядом. Не говорил ничего, просто водил ею по доскам, стараясь не мешать. Лица сначала напряглась — плечи поднялись, движения стали резче. Я видел, как она ждёт подвоха. Но я просто работал. Молча.

Через пару минут она расслабилась. Мы закончили быстрее, чем обычно. Когда я вылил грязную воду, она тихо ска-

зала «спасибо». Не улыбнулась, но и не отвернулась.

Вечером я передал ей пульт от телевизора, когда она попросила. Она взяла его без слов, кивнула мне в ответ.

Это всё были ничего не значащие мелочи, но мы словно поменялись местами.

Теперь Лика обходила меня стороной. В её глазах про- скальзывала осторожность — будто она ждала, что я снова сорвусь и всё испорчу. Это ранило. Но я понимал: она имеет право не верить. Я сам себе не верил до конца.

Однажды после школы я увидел, как она стоит на крыльце с тяжёлым рюкзаком. Ремень врезался в плечо куртки, она чуть сутулилась. Осенний ветер трепал её волосы. Я подо- шёл, молча взял рюкзак из её рук.

— Давай.

Она не сопротивлялась. Мы пошли домой молча. Два квартала. Только листва хрустела под ботинками, и где-то вдалеке лаяла собака. Воздух был прохладным, с запахом мокрой земли и дыма из чьей-то трубы. У дома она забрала рюкзак обратно и смущённо пробормотала:

— Спасибо.

Я старался. Правда старался. Утром мы выходили из дома

вместе, но шли по разным сторонам тротуара. Я держался в десяти шагах позади, не обгонял и не отставал. Но Лика ни разу не обернулась.

В школьном дворе она сразу сворачивала к своим подругам, а я — к пацанам из класса. Иногда я ловил на себе её взгляд — быстрый, осторожный. Она сразу отводила глаза, но я замечал: она смотрит.

На большой перемене я обычно торчал у автоматов с водой или в спортивном уголке. Однажды увидел, как Лика несёт тяжёлую стопку тетрадей для классной. Учительница литературы всегда нагружала её — «Лика, ты же у нас ответственная». Я подошёл, молча забрал у неё стопку.

— Давай помогу.

Она не отказалась. Мы пошли по коридору молча. На лестнице она чуть не споткнулась на ступеньке, но я вовремя подхватил её за локоть. Лика смутилась, щёки порозовели.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не за что.

Больше ничего. Но после этого она два дня подряд сама подходила ко мне после уроков, и мы шли домой вместе. Не разговаривали много — просто шли. Рядом. Это было странно и приятно одновременно. Как будто между нами появи-

лась тонкая, но уже прочная ниточка.

Раз она спросила, не видел ли я её синий пенал. Я не видел, но пошёл искать вместе с ней. Нашёл под батареей в их классе — кто-то из одноклассников, видимо, стащил для прикола. Я вытащил его и вернул ей без лишних слов.

Ли́ка кивнула и в этот раз улыбнулась — маленькой, благодарной улыбкой. У меня внутри потеплело так, что я даже растерялся.

Я подумал, что если продолжу в том же духе, то через месяц-другой она перестанет вздрагивать, когда я вхожу в комнату. Может, даже начнёт доверять.

В пятницу я решил сделать что-то большее. Мила пекла пирог с яблоками. Запах корицы и ванили разносился по всему дому, уютный, домашний. Я зашёл на кухню.

— Можно я помогу?

Мила повернулась, вытерла руки о фартук. В глазах — удивление, но приятное, тёплое.

— Конечно. Нарезь яблоки.

Я взял нож, начал резать. Старался делать ровные кусочки, не огромными ломтями. Ли́ка сидела за столом, делала

уроки. Я чувствовал её взгляд иногда — осторожный, изучающий. Когда закончил, поставил миску рядом с тестом.

— Готово.

Мила улыбнулась:

— Спасибо, Влад.

Ли́ка подняла голову. Посмотрела на миску, потом на меня. Я сел напротив неё.

— Что задавали?

— Математика. Задачи.

— Покажи.

Она подвинула тетрадь. Я посмотрел, решил одну, объяснил вторую. Голос был ровным, спокойным, без обычного ехидства или превосходства.

Ли́ка слушала внимательно, кивала. Один раз даже спросила:

— А если вот так?

Я поправил, не закатывая глаза, не вздыхая. Просто показал на бумаге.

Когда мы закончили, она сказала «спасибо». Тихо, но ис-

кренне. Я улыбнулся:
— Обращайся.

И вышел из кухни с ощущением, что сделал ещё один шаг вперёд. Это был маленький прогресс. Я почувствовал тепло в груди — лёгкое, как первый луч солнца после долгой зимы.

Но уже в своей комнате это ощущение начало таять. Я лёг на кровать, уставился в потолок и подумал: а что, если она просто притворяется?

Из страха, что я снова что-нибудь выкину. Или из жалости к Миле и папе. Эта мысль засела внутри, как заноза, и не давала покоя.

10.

Несколько недель после этого всё шло неплохо. Я продолжал делать маленькие шаги: помогал по дому, иногда спрашивал, как прошёл день, даже подвинул ей стул за ужином.

Лика отвечала коротко, но уже не отводила взгляд. Иногда в её глазах мелькало что-то похожее на удивление или даже осторожную надежду. Я цеплялся за это, как за соломинку.

Но я замечал, как легко она смеётся с подружками, как оживлённо болтает с одноклассником на переменах. А со мной — короткие ответы, осторожные взгляды.

«Это нормально», — повторял я про себя, стискивая зубы. Но каждый её смех за моей спиной отзывался в груди тупой болью.

И в субботу всё пошло наперекосяк.

Отец уехал на работу ещё утром, Мила отправилась в магазин за продуктами. Мы с Ликой остались дома вдвоём. Она сидела в гостиной с наушниками, смотрела что-то на планшете и тихо улыбалась.

Я прошёл мимо кухни и случайно увидел на экране видео:

парень из её класса (тот самый, с которым она часто болтала на переменах) снимал смешное видео. Лика смеялась — искренне, легко, так, как давно не улыбалась мне.

Внутри что-то неприятно дёрнулось. Старое, знакомое раздражение смешалось с ревностью.

Я остановился в дверях.

— Это кто? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Ликасняла один наушник.

— Одноклассник. Снял, как учитель на физре упал. Смешно получилось.

— А ты часто с ним общаешься?

Она пожала плечами.

— Часто. Мы иногда вместе готовимся к контрольным. А что?

Это задело меня сильнее, чем должно было.

Я сжал руки в кулаки. Вдох-выдох.

«Успокойся. Она имеет право дружить с кем хочет», — мысленно уговаривал я себя. Но голос внутри шипел: «А с тобой она не подружится. Никогда. Ты для неё — угроза».

Я сел рядом на диван — ближе, чем обычно. Руки снова сжались в кулаки.

— Слушай, я же стараюсь. Помогал с полом, с уроками, портфель нёс. А ты с ним смеёшься, с подругами болтаешь, общаешься с кем попало, а со мной, как с чужим.

Лица посмотрела на меня внимательно, сняла второй наушник. В глазах не было страха, но была усталость, та самая, которую я уже видел раньше.

— Я не с кем попало. И ты сам начал только недавно. Раньше ты...

Она не договорила, но я понял. Раньше я был тем, кто портил ей жизнь.

— Я же сказал, что сожалею, — ответил я, чувствуя, как внутри начинает нарастать знакомый жар.

— Сказал. Но слова — это не всё, Владик.

Я встал, прошёлся по комнате. Руки чесались что-нибудь сделать. В голове крутилось: она легко находит общий язык с кем угодно, кроме меня. Смеётся с ними, доверяет им, а я для неё никто.

— Ты думаешь, мне легко? Смотреть, как вы с Милой шепчетесь, как отец теперь только с ней, а я... что я?

Ли́ка молчала секунду, потом тихо сказала:

— Ты сам всех отталкиваешь, Владик. Мы все хотим, чтоб ты стал нормальным.

Слово «нормальным» ударило, как пощёчина.

Внутри что-то сорвалось. Я схватил планшет с её колен и швырнул его на пол. Экран треснул с громким хрустом.

Ли́ка вздрогнула, губы задрожали. На секунду показалось, что она сейчас заплачет, но она резко выдохнула, сжала планшет в руках и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Он был новый. Папа подарил на день рождения.

Она быстро отвернулась, смахнула слезу, потом посмотрела на меня. В глазах не было злости, только какая-то горькая обида и разочарование.

— Зачем? — спросила она.

Я стоял, тяжело дыша. Удовлетворение, которое я раньше чувствовал от таких выходов, теперь было горьким, смешанным с тошнотой.

Трещина на экране планшета шла от края до края, как раз по лицу того парня. Словно сама картинка раскололась — так же, как и то, что я пытался построить последние недели.

— Потому что ты не веришь, что я могу измениться. Никто не верит.

Я вышел из комнаты, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

Ну вот, опять. Опять я всё испортил.

В своей комнате я сел на пол, обхватил голову руками. Внутри всё дрожало. Не от злости — от страха. Страх, что она права. Что я действительно сам всё ломаю. И что самое страшное — я не знаю, как это остановить.

Меня трясло. Я злился на себя, на Лику, на весь мир.

Потому что легче было злиться, чем признать, что я бо-

юсь.

Боюсь, что если стану «нормальным», то окончательно растворюсь в этой новой семье, где для меня словно нет места.

За окном шёл дождь, капли стучали по стеклу, будто отсчитывая секунды. Каждая капля была как ещё один шаг в пропасть, куда я сам себя загнал.

Потому что без злости оставалась только пустота и страх, что я никому на самом деле не нужен.

Почему всё так сложно?

Почему я такой? Почему не могу просто быть нормальным? Таким, как они хотят?

Почему не могу просто нормально поговорить, а не орать и не ломать вещи?

Почему каждый раз, когда я пытаюсь сделать шаг вперёд, что-то внутри толкает меня назад?

Вечером, когда все собрались на кухне, Лика не сказала про планшет. Просто сидела тихо, с красными глазами. Мила заметила трещину и спросила, что произошло. Лика про-

бормотала «упал», не поднимая глаз, только сжала сильнее вилку в руках.

Я же, наоборот, смотрел только на неё. Почему она меня не сдала? Почему снова выгораживает меня молчанием? Почему опять покрывает мои поступки? Разве она не понимает, что так только хуже?

Отец отложил газету, посмотрел на меня в упор.

— Ты не просто планшет разбил, — сказал он. — Ты сломал доверие. И починить его будет куда сложнее. Думаешь, злость — это сила? Нет, это слабость. Сила в том, чтобы остановиться до того, как сделаешь что-то плохое. Сила - это ответственность за свои действия.

Ночью я не спал. Лежал и думал, что завтра попробую снова. Извиниться. Предложить починить планшет из своих сбережений. Я надеялся, что того, что я накопил, хватит на ремонт.

И добавлю: «Может, сходим в парк в воскресенье?». Мысль о парке царапнула: а сможем ли мы вообще общаться нормально? Смогу ли я когда-нибудь исправить всё, что натворил.

Я сжал край одеяла.

«Да что со мной не так? Все нормальные пацаны умеют дружить, общаться, а я... Я просто какой-то бракованный, что ли?»

Они все правы, я поломанный, неправильный. Я разрушаю всё, к чему прикасаюсь. Поэтому в ту ночь я решил оставить эти попытки наладить отношения и оставить Лику в покое.

Для её же блага.

Пусть будет счастлива без меня, чем будет постоянно бояться, что я снова сорвусь.

11.

Больше я не делал попыток наладить отношения с Ликой — просто плыл по течению. И она больше не пыталась сблизиться со мной. Мы просто существовали, как две параллельные прямые, которые находятся рядом, но никогда не пересекаются.

Я старался не вмешиваться в её жизнь. Мы даже в доме старались не находиться в одной комнате. Если входила она, то я сразу выходил. Или наоборот. Словно магниты с одинаковыми полюсами, которые отталкиваются друг от друга.

Утро начиналось одинаково. Я просыпался чуть раньше, прислушивался: если из комнаты Лики доносился шум — значит, она уже встала. Тогда я ждал, пока она спустится вниз, пройдёт на кухню, нальёт себе чай. Только после этого выходил из своей комнаты.

Однажды я замешкался и столкнулся с ней у лестницы. Лика замерла на ступеньке, опустив глаза. В руках она держала планшет — тот самый, с трещиной на экране. Я невольно задержал взгляд на этой трещине, и она тоже посмотрела туда, будто вспомнила тот день.

— Извини, — пробормотал я, отступая в сторону.

— Ничего, — тихо ответила она и быстро прошла мимо.

Этот короткий обмен фразами оставил во мне странное чувство. Будто мы оба хотели сказать что-то ещё, но не решились.

За завтраком мы сидели за разными концами стола. Мила пыталась завести разговор:

— Лика, ты на завтра что-то планировала?

— Я встречаюсь с Аней, — коротко ответила она.

Отец поднял глаза от газеты:

— А ты, Влад? У тебя какие планы?

— Никаких, — пожал я плечами. — Может, с пацанами погуляю.

Но отец объявил:

— Завтра мы едем на пикник. Все вместе. Никаких отговорок.

Мы с Ликой переглянулись. Впервые за долгое время наши взгляды встретились напрямую. В её глазах читалось то же беспокойство, что и у меня.

— Но я договорилась с Аней... — начала Лика.

— Отменишь, — твёрдо сказал отец. — Нам нужно провести время вместе. Как семья.

Лика на секунду подняла на меня взгляд, но тут же опустила его обратно в тарелку. Я сделал вид, что не заметил.

Всю ночь я не мог уснуть. Мысли крутились вокруг завтрашнего дня. Как мы будем ехать в одной машине? И потом на пикнике... Сможем ли мы хоть на несколько часов притвориться, что всё нормально?

Но на следующий день пошёл дождь, и поездка отменилась. Потом у отца начались проблемы на работе, и больше пока он эту тему не поднимал. Не знаю, как Лика, а я этому был только рад.

За ужином мы снова сидели на расстоянии. Мила пыталась завести разговор о школе, отец рассказывал о работе. Я кивал в нужных местах, отвечал односложно.

— Влад, ты в последнее время какой-то тихий, — заме-

тила Мила.

— Всё нормально, — буркнул я.

— Точно? Может, что-то случилось?

— Говорю же, всё нормально! — я чуть громче, чем нужно, отодвинул тарелку. — Я поел. Спасибо.

Поднялся из-за стола и направился к двери.

— Влад... — начала Мила.

— Я просто устал, — бросил через плечо и вышел.

В школе было проще. Мы учились в разных классах, виделись только на переменах, да и то мельком.

После школы я не спешил обратно, задерживался, болтал с ребятами, пока не темнело. Возвращаться домой не хотелось — там была Лика. Но выбора у меня не было.

В этот раз, когда я вошёл, в доме было тихо. Свет горел только на кухне. Я уже хотел проскользнуть к себе, но услышал голос Милы:

— Влад, зайди на минутку.

Пришлось подчиниться. На кухне сидела Лика, перед ней стояла чашка чая. Она подняла глаза, увидела меня и тут же уставилась в стол.

— Ребята, — начала Мила мягко, — я понимаю, что у вас сейчас непростой период. Но что происходит между вами? Вы же не чужие, неужели нельзя хотя бы поговорить?

— Мы нормально общаемся, — буркнул я.

— Нормально — это когда вы за весь день не сказали друг другу ни слова? — подняла бровь Мила.

Лика молчала, нервно помешивая чай ложкой.

— Просто... нам сейчас так удобнее, — сказал я.

— Удобнее? — переспросила Мила. — Или ты просто боишься?

Её слова повисли в воздухе. Лика подняла глаза — на мгновение наши взгляды встретились. В её глазах читалась усталость, но ещё что-то, чего я не смог разобрать.

— Я пойду, — сказала она и встала из-за стола. — Спа-

сибо за чай.

Как только она вышла, Мила вздохнула:

— Влад, вы оба страдаете. Но никто не хочет сделать первый шаг.

— А если этот шаг снова всё испортит? — спросил я тихо.

Мила посмотрела на меня внимательно:

— А если не испортит? Может, стоит попытаться ещё раз?

— Я уже пробовал, не вышло. Пусть всё остаётся так, как есть, — с этими словами я буквально выскочил из кухни.

Вечером я сидел у себя в комнате, листал учебник, но мысли были далеко. За окном шёл дождь, капли стучали по стеклу — так же, как в тот день, когда я разбил планшет.

Вдруг я услышал шаги за дверью. Лика прошла по коридору, остановилась напротив моей комнаты. Я замер, прислушиваясь.

Она постояла несколько секунд — я почти чувствовал её присутствие за стеной — и пошла дальше.

Хлопнула дверь — Лика вернулась в свою комнату.

На следующий день всё повторилось. Мы избегали друг друга, обменивались короткими фразами, если уж совсем нельзя было промолчать. Я всеми силами старался держаться от неё подальше.

Но однажды, проходя мимо, случайно услышал обрывок её разговора с подругой:

— Лик, а что у вас с братом? — спросила Аня.

— Вы какие-то странные в последнее время.

— Да ничего, — ответила Лика. — Просто... не очень ладим сейчас.

— Так и не помирились?

— Мы и не ругались... — она запнулась. — Просто не можем найти общий язык.

— Он правда такой плохой? Только и делает, что всё ломает и портит?

Ли́ка вздохнула.

— Нет, — сказала она тихо. — Не плохой. Просто... сложный. Я надеялась, что у нас всё будет по-другому.

Я замер за углом, прислушиваясь. Внутри всё сжалось. Что она имела в виду под «по-другому»? И почему именно из её уст это прозвучало так... печально?

Внутри что-то неприятно сжалось. Я отвернулся и пошёл в другую сторону.

После школы я снова задержался. В этот раз с ребятами играли в баскетбол. Я бросал мяч сильнее обычного — будто пытался выбить из себя все эти мысли. Но они возвращались снова и снова.

Каждый раз, когда мяч ударялся о щит, в голове вспыхивала одна и та же картинка: Ли́ка с треснутым планшетом в руках и её тихое «Зачем?».

Я бил сильнее. Мяч летел в кольцо, как будто я хотел пробить не только сетку, но и всю эту хрень, которая творилась у меня внутри.

«Почему я не могу просто забыть? Почему она не может

просто исчезнуть из моей головы хотя бы на час?»

Я бегал по площадке как одержимый, толкал ребят локтями, хватал мяч и снова бросал.

Пацаны уже начали ржать:

«Влад, ты сегодня как бешеный». Я только криво улыбался в ответ.

Они не знали. Никто не знал, что я пытаюсь заглушить не усталость, а постоянное, ноющее чувство вины и злости на самого себя.

Может, если я вымотаюсь до дрожи в ногах, то вечером просто упаду и усну без этих мыслей.

Без воспоминаний о том, как она вздрогнула, когда планшет полетел на пол. Без её тихого «Он был новый...».

Но чем сильнее я бросал, тем яснее понимал — не помогает. Мысли возвращались ещё назойливее.

Я ведь правда хотел всё исправить. А в итоге сделал только хуже. И теперь даже не знаю, как с ней рядом находиться. Каждый взгляд на неё — как напоминание, что я — тот са-

мый придурок, который вечно всё портит.

Когда стемнело и ребята начали расходиться, я всё ещё стоял на площадке, тяжело дыша, с мокрой от пота спиной. Руки дрожали. Не от холода. От бессилия.

Когда я вернулся домой, Лики ещё не было. На кухонном столе лежала записка: «Ушла к Ане. Буду к ужину. Л.»

Я скомкал бумажку и бросил в мусорное ведро. Почему-то стало ещё хуже. Будто она специально избегает меня даже вне дома.

В своей комнате я упал на кровать, уставился в потолок. За окном стемнело, зажглись фонари. Их свет пробивался сквозь шторы, рисуя на стене дрожащие полосы.

Я словно раздвоился. Был один Влад, который хотел наладить отношения с семьёй и поладить с Ликой. А ещё был тот, кто злился, ломал вещи и делал больно всем вокруг. Я не знал, какой из них настоящий. И пока я это не выясню, лучше мне ни с кем не сближаться.

«Если я буду держаться подальше, ей станет легче. И мне, наверное, тоже».

Пусть лучше боится меня. Пусть лучше улыбается своим подругам и тому парню. Пусть будет спокойной в своём доме, без постоянного ожидания, что я снова что-нибудь сломаю.

Я убеждал себя, что так будет лучше для всех. Потому что даже себе боялся признаться: её отстранённость задевала меня сильнее, чем я готов был показать.

Она не спасала. Она жгла изнутри. Каждый раз, когда Лика проходила мимо меня, опустив глаза, когда мы молча сидели за одним столом, когда она улыбалась кому-то другому — внутри что-то медленно, но верно рвалось.

И с каждым разом дыра в груди становилась всё больше.

12.

Так продолжалось довольно долго. Мне было почти шестнадцать, когда в наш дом снова пришла беда.

В последние дни отец всё время торчал на работе, спал урывками и почти не появлялся дома.

Я замечал, как он бледнел после каждого телефонного звонка, как нервно потирал переносицу, как задерживался допоздна.

Но я не придавал этому значения, в конце концов, у взрослых всегда куча проблем. Я был слишком занят своими подростковыми переживаниями, своими обидами на Лику, своими попытками доказать всем и самому себе, что я уже взрослый.

А потом сердце дало сбой. Микроинфаркт. Прямо на работе.

Я откинулся на спинку стула и с досадой отложил ручку. Контрольная по алгебре никак не давалась: формулы расплывались перед глазами, дроби сливались в одну серую массу, а теоремы путались в голове. Мысли то и дело возвраща-

лись к утреннему звонку из больницы. Отец. Скорая. Реанимация.

В доме было непривычно тихо. Мила уехала с отцом в больницу и осталась там. Врачи пока не давали чётких прогнозов, и она решила быть рядом.

«Состояние стабильное, но тяжёлое», — сказали они. «Стабильное» звучало обнадеживающе, но «тяжёлое» сводило с ума, заставляя сердце сжиматься в тревоге.

Мы с Ликой остались одни.

Я посмотрел на часы: 22:15. Обычно в это время Лика уже спала, но сегодня из-за нервов она легла позже. Я слышал, как она ходит по своей комнате: то включает, то выключает лампу, потом идёт на кухню попить воды. Каждый звук отдавался в тишине дома особенно громко.

Сам я пытался занять себя уроками, но сосредоточиться не получалось. В голове крутились обрывки разговора с Милой по телефону: «Он крепкий, выкарабкается» и её тревожный взгляд, который я представлял себе слишком ярко.

Отец всегда казался мне несокрушимым. Большой, сильный, немного ворчливый. А теперь он лежит где-то в больнице, подключённый к аппаратам, и от этого внутри всё хо-

лодело.

Я вспоминал, как он учил меня кататься на велосипеде, как мы с ним ходили на рыбалку, как он смеялся, когда я в восемь лет впервые приготовил яичницу и сжёг сковороду. Эти воспоминания наплывали волнами, то накрывая с головой, то отступая, оставляя после себя липкий страх.

Что, если он не выкарабкается? Что, если... Нет, я не мог даже думать об этом. Но мысли всё равно прокрадывались в сознание, как тёмные тени.

Я теребил край тетради с контрольной, потом резко захлопнул её, понимая, что сосредоточиться не получится. Встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Машины ехали, люди спешили, а у меня внутри будто всё остановилось. Время словно замедлилось, растянулось в бесконечность.

Я прошёлся по комнате. Половицы предательски скрипнули. Раньше я бы просто плюнул на всё и лёг спать, но сейчас не мог. Ответственность, которой я раньше так успешно избегал, вдруг легла на плечи тяжёлым грузом. Мне почти шестнадцать, а я чувствую себя маленьким и беспомощным.

Тиканье настенных часов звучало слишком громко, отсчитывая секунды. Где-то за стеной гудел холодильник —

раньше я этого не замечал, а сейчас звук раздражал, будто кто-то монотонно постукивал по нервам. На кухне капал кран: одна капля, пауза, снова капля. Ритм, который сводил с ума.

Мысленно прокрутил последний разговор с отцом: он сказал «Не забудь вынести мусор», а я буркнул в ответ и хлопнул дверью. Чувство вины царапало изнутри, смешиваясь со страхом.

Дверь моей комнаты тихо скрипнула.

Я поднял голову. На пороге стояла Лика. В старой пижаме с маленькими жёлтыми звёздочками, с растрёпанными волосами и огромными испуганными глазами. Ей было всего четырнадцать, и в этот момент она выглядела ещё младше.

Она переминалась с ноги на ногу на пороге, как будто боялась зайти. То поправляла рукав пижамы, то запускала пальцы в растрёпанные волосы, то нервно сжимала и разжимала кулаки. Её плечи слегка подрагивали, а глаза то и дело бежали по комнате, избегая моего взгляда.

— Влад... — голос у неё был тихий, дрожащий. — Ты не спишь?

Я покачал головой.

— Не спится. Тебе тоже?

Она кивнула и сделала маленький шаг вперёд.

— Да. Можно я зайду? — Лика сказала это так тихо, что я едва расслышал.

В груди у меня что-то сжалось. Раньше я бы отмахнулся или сказал что-нибудь едкое. Но сейчас не смог.

Передо мной стояла не та Лика, с которой я воевал последние годы, а просто напуганная девчонка, у которой внезапно могли забрать отца.

— Заходи. Что случилось?

Она остановилась посреди комнаты, обхватив себя руками, будто ей было холодно.

— Я боюсь, — прошептала она. — Вдруг с папой что-то серьёзное... Вдруг он... — она не договорила, но я понял.

— Всё будет нормально, — сказал я, хотя сам в это не очень верил. — Папа крепкий. Врачи сказали, что микроинфаркт, а не полноценный. Они его быстро стабилизируют.

Лика кивнула, но слёзы всё равно потекли по щекам. Она быстро смахнула их ладонью, будто стыдилась.

— Я знаю... Просто... если с ним что-то случится, то...
— её голос сорвался.

Эти слова ударили меня сильнее, чем я ожидал. Я вдруг остро почувствовал, каким тяжёлым может быть этот груз.

Раньше я просто был старшим — иногда раздражительным, иногда равнодушным, порой даже жестоким. Но теперь... теперь я вдруг осознал, что больше не могу прятаться за подростковым равнодушием.

Рядом — Лика. Ей всего тринадцать. Она напугана. И ей нужен кто-то, кто скажет: «Всё будет хорошо». Кто возьмёт ответственность. Хотя бы на время.

Я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Слушай, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Если что... я буду рядом. Не оставлю тебя одну. Поняла?

Лика подняла на меня мокрые глаза. В них было столько надежды и одновременно столько страха, что у меня перехватило дыхание.

— Правда?

— Правда.

Я сглотнул.

— Иди сюда, — сказал я хрипло.

Она подошла ближе. Я сидел на краю кровати, а она осталась прямо передо мной. Руки у неё дрожали. Я видел, как она пытается сдержаться, чтобы не заплакать.

Я не знал, что делать дальше, но инстинктивно встал и обнял её. Неловко, неуклюже, но как мог. Она была маленькой и хрупкой в моих руках. Уткнулась лицом мне в плечо, и я почувствовал, как дрожит её тело. Тонкие плечи вздрагивали от беззвучных рыданий.

В этот момент все наши обиды, всё недопонимание, весь страх друг перед другом — всё это вдруг отступило на второй план. Осталось только желание защитить. Помочь. Быть тем, кем я должен был быть с самого начала.

Я гладил её по спине, чувствуя, как моя футболка намокает от её слёз. Сам я не плакал. Не мог. Но внутри всё сжималось в тугую, болезненный комок.

Лица всхлипнула особенно сильно и крепче обхватила меня руками. Я прижал её к себе сильнее.

Её волосы пахли клубничным шампунем и тем самым фруктовым ароматом, который она любила с детства.

Я почувствовал, как в горле встал ком — такой большой, что было трудно дышать. Но я сглотнул его, заставил себя расправить плечи. Сейчас не время для слабости.

— Всё будет хорошо, — прошептал я ей в волосы. — Я здесь и не оставлю тебя. Что бы ни случилось. Обещаю.

Её пальцы лишь крепче сжали мою футболку.

Мы стояли так долго. За окном тихо начал шелестел дождь, часы на стене продолжали тикать, а в доме было так тихо, будто весь мир затаил дыхание.

13.

— Прости, — прошептала она сквозь слёзы. — Прости, что пришла, я знаю, ты не любишь, когда входят в твою комнату...

Я слегка отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо. Её щеки были мокрыми, ресницы слиплись от влаги. Я осторожно провёл кончиками пальцев по её коже, стирая слёзы.

— Всё нормально, — сказал я. Голос был хриплым.

Она подняла на меня свои огромные медовые глаза.

— Боюсь оставаться одна, — прошептала она. — Я уже пыталась уснуть, но мне приснился кошмар... Я... можно я сегодня побуду с тобой? Пожалуйста.

В её глазах уже не было того отчаянного страха. Только усталость и робкая надежда.

Я замер на секунду. Я считал себя взрослым, серьёзным, не склонным к сантиментам. Но сейчас, глядя на её бледное лицо и дрожащие губы, вдруг почувствовал, как внутри что-то сжимается. И не смог её оттолкнуть.

— Хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ложись. Я посплю на полу.

— Нет, пожалуйста. Я не хочу доставлять тебе неудобства. Тем более кровать большая, нам вполне хватит места двоим.

— Конечно, — хмыкнул я. — Ты вон какая тощая, шмакодавка. Тебе надо лучше питаться.

Её губы дрогнули в печальной улыбке. Она несмело подошла и села на край кровати, подтянув колени к груди.

— А как же твои уроки? Я, наверное, помешала? — она кусала свои губы и выглядела виноватой.

— Я уже всё сделал, — соврал я. — Ложись и ни о чём не переживай.

Она свернулась калачиком на кровати, а я накрыл её одеялом и подоткнул края.

— Хочешь, включу ночник? — спросил я.
Она кивнула.

Мягкий свет озарил комнату. Я лёг рядом, оперевшись на подушку.

— Если хочешь, Расскажи мне, что тебе приснилось, — мягко предложил я.

Лица вздохнула, уставившись в стену.

— Мы были в больнице. Я держала папу за руку, а он не отвечал. Совсем. И врачи что-то говорили, но я не понимала слов. А потом... потом я проснулась и не могла дышать. Было так страшно.

Её голос сорвался на всхлип. Я помедлил, потом осторожно положил руку ей на плечо.

— Это просто сон, — сказал я. — Просто плохой сон. Отец сильный. Он справится. Врачи делают всё возможное.

— Ты правда так думаешь? — она повернулась ко мне, в глазах блеснули слёзы.

— Да, — твёрдо ответил я. — Когда он учил меня кататься на велосипеде, я постоянно падал, но после каждого раза он говорил мне: «Вставай, пробуй ещё. Успеха добивается не тот, кто не падает, а тот, кто всё равно поднимается и идёт дальше. Главное — не опускать руки». Он никогда не сдаётся. И сейчас не сдаётся.

Лица слабо улыбнулась.

— А помнишь, как мы летом ездили на озеро? Он учил

нас плавать. Меня всё время подхватывал, чтобы я не утонула.

— Да, — я тоже улыбнулся.

Несколько минут мы лежали молча. Каждый думал о своём.

Мои мысли снова вернулись к отцу. Я представил его в больничной палате — бледного, подключённого к аппаратам. В груди стало тесно.

Я вдруг понял, что боюсь. Не только за отца. Боюсь, что если с ним что-то случится, то вся ответственность ляжет на меня.

И я не знаю, справлюсь ли. Я, который ещё недавно только и умел, что всё портить.

Но тут же вспомнил его улыбку, его крепкие руки. «Он выкарабкается. Должен выкарабкаться. К тому же он не один. С ним Мила». И эта мысль придала мне сил.

— Всё будет хорошо, — повторил я уже твёрже. — Мы со всем справимся. Вместе.

Лица улыбнулась — на этот раз искренне, без дрожи в губах. И я понял, что впервые за долгое время действительно

верю в свои слова.

Я подоткнул одеяло поудобнее.

— Постарайся уснуть, — сказал я. — Я буду здесь.

Ли́ка повернулась на бок и, немного поколебавшись, придвинулась ко мне. Я почувствовал, как она доверчиво прижимается всем телом — хрупким, дрожащим, ищущим защиты. Я ощутил тепло её спины, лёгкое подрагивание плеч, будто она всё ещё не могла до конца успокоиться.

Я осторожно обнял её, стараясь не делать резких движений. Её запах снова окутал меня, проникая, казалось, прямо мне под кожу.

Я подумал, что теперь моя подушка будет пахнуть ею.

И почувствовал, как в груди что-то переворачивается. Я вдруг отчётливо осознал, насколько она маленькая и беззащитная. И насколько сильно нуждается во мне сейчас. Во мне, который раньше часто отталкивал её, считая, что так будет «круче».

— Спокойной ночи, — прошептал я.

— Спокойной ночи, — ответила она едва слышно.

Я лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как Ли́ка постепенно расслабляется у меня под рукой.

Как постепенно выравнивается её дыхание — оно стано-

вилось всё более ровным и глубоким.

Её сердцебиение вернулось в норму , а тело расслабилось в моих объятиях, дрожь прошла. Она полностью доверилась мне.

Перед тем как окончательно погрузиться в сон, Лика чуть шевельнулась и тихо, почти неслышно, произнесла:

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, но спасибо, что разрешил остаться.

Я замер. Эти слова ударили меня словно пощёчина. Я хотел что-то ответить, объяснить, что это не так, что я никогда не ненавидел её, что просто не умел проявлять заботу так, как нужно. Но Лика уже дышала ровно и глубоко — уснула.

За окном шумел город, стучал по стеклу дождь, а в моей комнате царила тишина, нарушаемая лишь нашим дыханием.

Но я всё равно не мог уснуть.

Лежал, прислушиваясь к её дыханию, и думал о том, как легко было раньше отталкивать её, считать обузой, раздражаться из-за её вопросов и попыток поиграть со мной. Теперь всё это казалось таким глупым, таким мелочным.

Я смотрел на её профиль в мягком свете ночника — ресницы слегка подрагивали, губы были чуть приоткрыты. Она выглядела такой беззащитной и в то же время такой сильной, раз смогла преодолеть свой страх и прийти ко мне, несмотря на то, что между нами было.

В голове всплыл тот день, когда я разбил планшет. Как она стояла с треснувшим экраном в руках и тихо спросила «Зачем?». Тогда мне казалось, что я прав. А сейчас от одного воспоминания становилось тошно.

— Я тебя не ненавижу, — прошептал я в темноту, осторожно подвинулся ближе, обнял её крепче и закрыл глаза.

Лица во сне чуть шевельнулась, повернулась ко мне лицом и ещё крепче прижалась. Я почувствовал её тёплое дыхание на своей руке. Впервые за долгое время я ощущал не раздражение, а настоящую, глубокую привязанность.

Аккуратно провёл рукой по её волосам, стараясь не разбудить, чувствуя, как напряжение покидает моё тело. В этот момент я поклялся себе, что больше никогда не позволю себе быть равнодушным к ней. Что буду защищать её, поддерживать, быть рядом — не потому, что «так надо», а потому, что я этого хотел.

В груди разливалась странная, незнакомая теплота — чувство ответственности и заботы. И это ощущение было таким правильным, таким естественным, что я наконец расслабился и позволил себе уснуть.

14.

Я проснулся от того, что мне было тесно. Слишком тесно для одного человека в кровати.

Лиля спала, свернувшись калачиком у меня под боком. Её голова лежала на моём плече, одна рука закинута мне на грудь, а нога перекинута через мою.

Пижама с жёлтыми звёздочками задралась, и я чувствовал жар её кожи сквозь свою футболку. Она дышала ровно, спокойно, будто наконец-то нашла место, где можно не бояться.

Я лежал неподвижно, боясь пошевелиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.